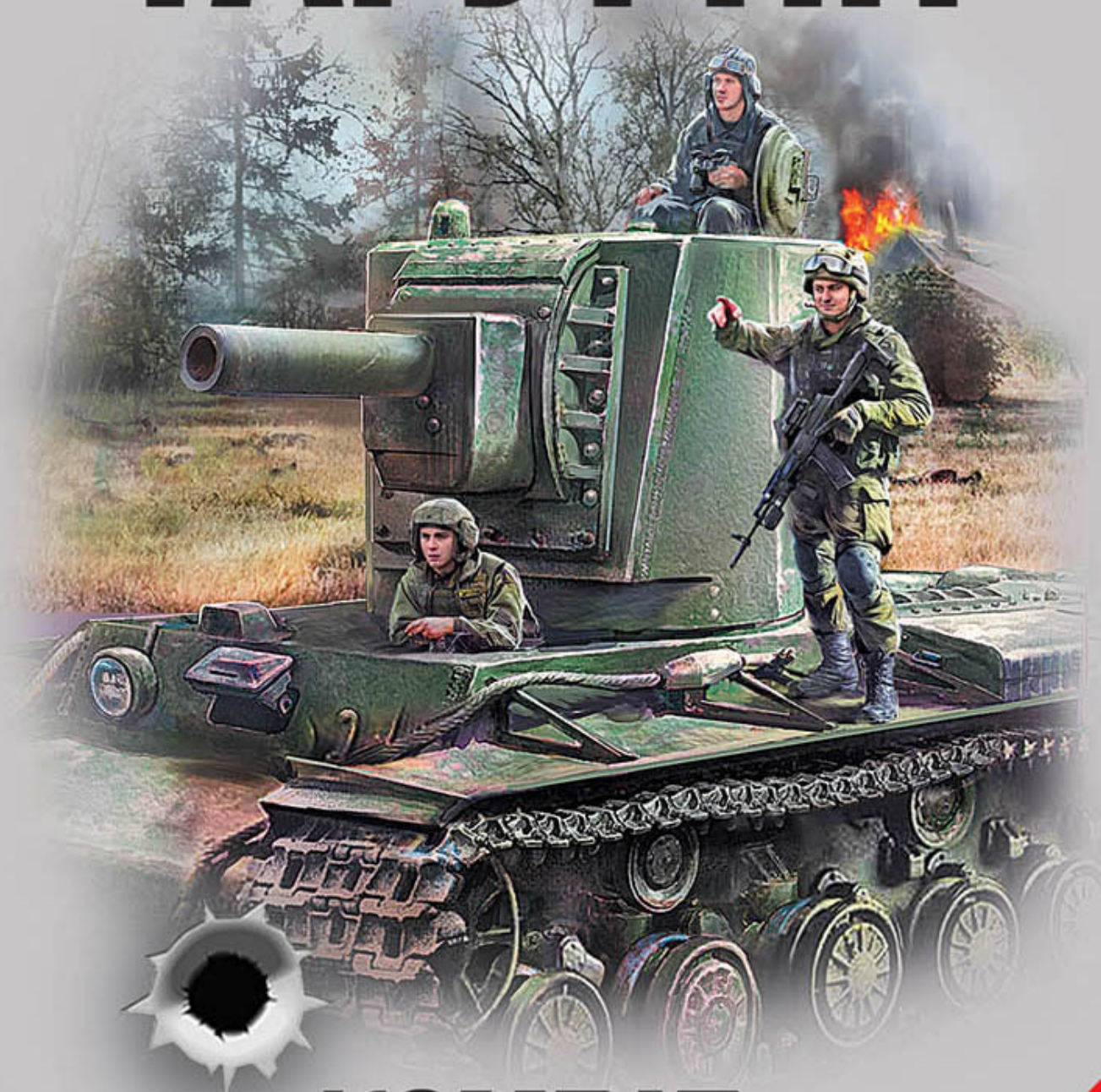

САЕТ

ТАРУГИН

КОМБАТ

ОСТАНОВИТЬ
БЛИЦКРИГ!

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Лучшая фантастика о Великой Отечественной

Олег Таругин

**Комбат. Остановить
блицкриг! (сборник)**

«Махров»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таругин О. В.

Комбат. Остановить блицкриг! (сборник) / О. В. Таругин —
«Махров», 2016 — (Лучшая фантастика о Великой
Отечественной)

ISBN 978-5-04-101752-1

Даже в далеком будущем Россия продолжает «держат порох сухим». И каждый выпускник Военной академии должен пройти стажировку в прошлом, на Великой Отечественной, ибо научиться воевать по-настоящему можно лишь на этой войне... 1941 год. В тело молодого комбата Красной Армии перенесено сознание курсанта из 23-го века. Он примет боевое крещение на рассвете 22 июня. Его учебное задание: не просто вывести из «котла» свой батальон, но и предотвратить полное окружение советских войск в Белостокском выступе. Вот только на этих учениях стреляют не холостыми, а боевыми, и умирают по-настоящему...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101752-1

© Таругин О. В., 2016
© Махров, 2016

Содержание

Комбат	6
Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	49
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Олег Витальевич Таругин

Комбат. Остановить блицкриг!

© Таругин О.В., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Комбат

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В вихре времен» (forum.amahrov.ru).

Отдельная благодарность Борису Каминскому (Синицыну). Спасибо большое, друзья!

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события отчасти выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Действующие лица романа и названия некоторых географических объектов также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения. Имена некоторых командиров РККА изменены или вымышлены.

Пролог

Терра-3, далекое будущее, за год до описываемых событий

Пара «Ми-50КА» воздушного прикрытия прошли, казалось, над самой головой – неслышимые удары гравитационных двигателей отдались в груди неприятной вибрацией, словно выворачивающей тело изнутри. На самом деле до ударных гравилетов класса «космос – атмосфера» оставалось никак не меньше полусотни метров – спустись они еще ниже, вжимающимся в грунт чужой планеты бойцам штурмовой роты 42-го мотопехотного полка пришлось бы совсем плохо. Впрочем, ничего подобного произойти не могло: пилоты прекрасно знали, кто находится под ними. Система опознавания выдавала на забрала пилотских шлемов соответствующие отметки, подсвечивая своих зеленым светом, а противника – красным. Окажись боевые машины ниже допустимой высоты, бортовой компьютер выдал бы соответствующее предупреждение, принудительно перейдя на автопилот и не позволяя размазать «сухопутов» по поверхности мятежной планеты.

Заслонки оружейных отсеков убралась в корпус, и борта обоих «полтинников» озарились вспышками разгонных блоков стартующих ракет. Дымные шлейфы рванулись в сторону находящегося в полукилometре укрепленного пункта противника, и перспективу заволочло пронизанным огненными всполохами дымно-пыльным маревом. Взрывная волна вынесла остатки окон, сорвала крыши и разметала заборы у оказавшихся на директрисе удара заброшенных промышленных зданий; смяла собранные из металлопластиковых панелей приземистые ангары. В следующее мгновение пыльное цунами рванулось обратно, вбивая в пустые коробки складов и административных построек поднятый взрывом мусор и обломки. В полном соответствии с законами физики воздух стремился занять область пониженного давления, кислород в которой выгорел в тысячные доли секунды: два десятка выпущенных ракет были оснащены объемно-детонирующими боевыми частями.

«Пятидесятые» разошлись в стороны, разворачиваясь. Барабанные перепонки вновь неприятно вдавило: от гравитационной волны не спасал даже полугерметичный шлем штурмового комплекта третьего класса защиты. Но командир роты капитан Кобрин уже не обращал на подобные мелочи никакого внимания: на командирском планшете высветилась разрешающая атаку пиктограмма. Обозначающие противника отметки разом окрасились красным и оранжевым, причем последних оказалось меньше дюжины, и Сергей злорадно ухмыльнулся. Летуны отработали на отлично, коль из почти сотни рыл осталось всего десятков раненых! И это с первого захода! Конечно, кто-то наверняка успел укрыться в экранированных подземных убежищах, и потому система опознавания на борту висящего на низкой орбите разведчика их пока не видит, но уцелевших просто физически не может быть много – не батальон же тут засел? Да и летуны никуда не делись – набрали высоту и барражируют над районом, готовясь, случись что, снова прийти на помощь. На второй залп у них боекомплекта хватит. Вот только когда штурмовая рота зайдет в пригород, смысла от авиаподдержки уже не будет: внутри БЧ даже самой умной «интеллектуальной» ракеты находится обычная глупая взрывчатка, для которой что свои, что чужие – все равно...

Коснувшись сенсора, Сергей активировал командирский канал:

– Всем номерам – атака по схеме «поселок». Разделиться, пропустить вперед броню. «Коробочки», встречаемся в квадрате «три», огонь по усмотрению. Четные, держать фланги. Индзащиту – в максимальный режим, батареи не экономить. Готовы? Начали!

В радиогарнитуре что-то почти неразличимо – похоже, где-то все еще работал вражеский комплекс РЭБ, забывая радиоэфир помехами, – пробубнил командир танкового взвода, и

приземистые туши бронемашин, отключив маскирующие поля, сорвались с места. Кобрин на всякий случай бросил взгляд на выводимые на забрало шлема данные: да нет, нечего и волноваться, подавитель у них слабенький, не мощнее второго класса, глушит только радиосвязь, да и то не дальше километра. Ну и хрен с ним, можно и без этого обойтись. Все, вперед, до разрушенного авиаударом укрепрайона всего метров пятьсот, не то что добежать – доползти можно.

С противником столкнулись, когда почти прошли полуразрушенный промышленный сектор: еще совсем недавно здесь располагалось хозяйство какой-то коммерческой фирмы, судя по обилию складских помещений занимавшейся логистикой. Полностью уничтоженные взрывами постройки не осматривали, без опаски продвигаясь дальше, – в нагромождениях смятых ударной волной строительных конструкций не было ни живых, ни раненых, сканеры биоактивности показывали лишь неорганические материалы. На показания же термодатчиков Кобрин вовсе не смотрел: после удара гипербарическими боеприпасами вокруг оставалось полно очагов повышенной температуры.

Идущие первыми танки, как могли, расчищали путь, сминая обломки гусеницами и распихивая бронированными лбами. Порой они останавливались, получив с орбиты целеуказание, плавно ворочали приплюснутыми башнями и производили несколько выстрелов по известным лишь командирам бронемашин мишеням. Впереди вздымались могучие кусты разрывов: ОБТ типа «Т-114» вооружались не плазменными излучателями или малокалиберными электромагнитными скорострелками, а старыми добрыми гладкоствольными 152-мм пушками «5А103–2М» образца 2110 года. Орудие хоть и не новое, но по-прежнему вполне эффективное, особенно когда лупит, вот как сейчас, управляемой ракетой с объемно-детонирующей боевой частью.

В очередной раз отстрелявшись, «коробочки» двинулись вперед – и вот тут уцелевшие защитники опорного пункта проявили себя. Откуда именно стреляли, Кобрин не заметил, но вокруг одного из идущих в авангарде танков вдруг полыхнул сработавший силовой экран, принимая на себя энергию удара, но мощность вражеского боеприпаса оказалась выше, и боевая машина резко остановилась. Отметка на планшете изменила цвет на желтый, мигнула – и покраснела. Все, экипаж погиб, хоть танк так и не загорелся, видимо, сработала система пожаротушения. Вот только помочь танкистам это уже ничем не могло...

А дальше отвлекаться стало некогда: почти сразу же подбили вторую бронемашину, и тут же загрохотало со всех сторон. Отстраненно подумав, что противника отчего-то слишком много и все это напоминает классическую ловушку, капитан отдал приказ рассредоточиться. Пока бежал к примеченному укрытию – перевернутому близким взрывом погрузчику – и плюхался на брюхо за массивной кран-балкой, успел вкратце ознакомиться с тактической обстановкой, поступающей на внутреннюю поверхность забрала шлема. Обстановка в целом не радовала: за неполные десять секунд боя – минус две «коробочки» вместе с экипажами и трое раненых среди его парней, один, судя по интенсивно-оранжевому цвету отметки, тяжелый.

Три уцелевших танка взвода разошлись в стороны и с ходу врубались в развалины, укрываясь от огня портативных одноразовых плазмометов, дальних потомков РПГ XX–XXI веков. В отличие от прародителя это оружие было одинаково эффективно как против бронетехники, так и атмосферных летательных аппаратов или укрепленных огневых позиций. Двум «коробочкам» маневр удался, третьей повезло меньше – с первого попадания разбили ходовую: противник использовал что-то весьма современное, двух-, а то и трехконтурное, способное пробить силовое поле и оказать достаточное запреградное воздействие.

Рядом коротко полыхнуло, раскидывая в стороны обломки и пыль, волна раскаленного воздуха впечатала капитана в искореженный остов погрузчика. Светофильтры шлема мгновенно потемнели, защищая глаза от вспышки, но Серега все равно непроизвольно зажмурился. Взвыли внешние сенсоры, показывая критическое повышение температуры и падение уровня защиты бронеконструкта на 40 %. Ого, еще немного – и зажарился бы внутри, словно в мик-

роволновой печи! Плазмой долбанули, суки, не пожалели заряда, будто он танк какой! Кто ж это такой меткий? А, вон кто – выбравшийся из развалин инсургент в почти таком же, что и у Кобрина, бронекостюме отбросил в сторону использованный тубус одноразового плазмомета и сдернул с захватов внешнего каркаса новый. Ну уж нет, тут хрен тебе!

Прицельная марка на посветлевшем забрале захватила цель, и капитан, повернув ствол, дал недлинную очередь из штурмовой винтовки, процессор которой был напрямую сопряжен с центральным чипом СУО его шлема. Оружие коротко завибрировало в руках – компенсатор штатной безгильзовки «АК-700» гасил отдачу больше чем на 80 % – и противник, несколько раз судорожно дернувшись, опрокинулся на спину, выронив так и не поставленный на боевой взвод плазмомет. Готов, можно не проверять: попаданий 10-мм спецпатронов никакая индивидуальная броня не выдержит! Собственно, вон, и отметочка на дисплее покраснела – «орбита» подтвердила поражение цели.

Срезав очередью еще одного боевика, выскочившего на открытое место следом за товарищем, Кобрин сменил позицию. Вовремя: остов перевернутого погрузчика за спиной вспух огненным бутонем, развалившись на две пышущие жаром половины. Жарко полыхнули резиновые бандажные колеса, взорвался, рассыпая искры, электродвигатель. Неподалеку еще раз оглушительно рвануло, заставив сработать демпферную систему шлема: то ли танк выстрелил, то ли по танку попали, заставив сдетонировать боекомплект.

Укрывающиеся среди руин бойцы роты тоже вступили в бой – противника хватало, со всех сторон грохотали гулкие выстрелы штурмовых «семисоток», практически беззвучно шипели, выплевывая заряд, плазменные винтовки, и резко хлопали преодолевающие звуковой барьер оперенные стрелки электромагнитного оружия. Как мило! Судя по отметкам на тактическом планшете, врагов оказалось немногим меньше, чем атакующих. Значит, все-таки засада. Похоже, ребятам из особого отдела будет чем заняться – эдакая зарубочка в памяти на будущее, – пусть поломают умные головы, откуда здесь столько солдат противника. И, самое главное, каким образом они оказались не замеченными сенсорами орбитального разведчика! По укрытиям сидели? Так ведь сканеры пробивают на десяток метров вглубь, и мощности разведка никогда не жалеет, попутно сжигая врагу всю неэкранированную электронику! Очень, знаете ли, странно...

– Нулевой, – раздался в гарнитуре запыхавшийся голос взводного-два, лейтенанта Дубровина. Связь оказалась на удивление хорошей, видимо, танкистам все-таки удалось угрохать вражеский «глушак», – здесь Второй, нахожусь левее на три – семь. Зажали нас, у них тут зенитная спарка на прямой наводке, головы не поднять. Укрылись за фундаментом разбитого склада, но бетон долго не выдержит, плазмой бьют. У меня два «трехсотых», один «двухсотый». Сбрасываю пакет данных, пусть «коробочка» с фланга обойдет, там должен быть проход. Прием?

– Принял тебя, секунду. – Капитан оценил обстановку, убедившись, что помощи от танкистов не будет: обе сохранившие мобильность бронемашин, огрызаясь огнем башенных орудий, торопливо отступали, не рискуя и дальше углубляться в лабиринт разрушенных строений. Судя по получаемым в онлайн-режиме данным, из внешней защиты у обоих осталась только активно-реактивная броня, а боекомплекты оказались ополовинены – ну еще бы, при такой-то интенсивности стрельбы! Твою мать!

– Второй, «коробки» не придут, вытащим вас сами, продержитесь еще пару минут. Со связи не уходить. Как принял?

– Принял, ждем.

– Первый – Нулевому, все слышал? Лови инфопакет. Выдвигайтесь, встречаемся на отметке «семь». Ударим одновременно, затем сразу отступаем на исходную, «коробки» прикроют огнем. Раненых оставить, подберем на обратном пути. Прием?

– Первый принял, начинаем по сигналу.

– Третий – Нулевому, отходите. Вместе с танкистами встретите нас в квадрате «ноль», на помощь не суйтесь, вызовите эвакуаторы для «трехсотых». Первый, все номера – вперед!

До зажатой огнем группы добирались с боем почти пять минут вместо обещанных двух: судя по всему, противник взломал криптозащиту канала связи и отлично знал, где они находятся и что собираются делать. Вот и еще работенка для товарищей контриков: каким образом это удалось, если коды менялись трижды в сутки?

В спину, как ни странно, почти не стреляли: противник, убедившись, что штурмовые группы прекратили продвижение вперед, скрылся в руинах. Похоже, инсургенты поняли, что федералы дальше в ловушку не полезут и отступят, и получили от неведомых командиров приказ уходить. Сергей злорадно ухмыльнулся: а вот тут хренушки, сейчас вытащит ребят – и будет вам бо-ольшой сюрприз. Очень большой.

Добравшись до места, ударили с флангов одновременно с группой Третьего... вернее, попытались ударить. Поскольку зажавшая бойцов второй группы плазменная установка оказалась установленной в стационарном бетонированном капонире, окруженном двухконтурной силовой защитой, неведомым образом не попавшем под авиаудар. Да и пехотное прикрытие имелось, не меньше полутора десятков рыл, вооруженных ничуть не хуже самих пехотинцев. Так что близко подойти не удалось.

Укрывшись среди развалин, долбанули по противнику из подствольников штурмовыми гранатами. Довольно успешно долбанули – с первого же залпа порвали к такой-то инсургентской матери экранированные кабеля силового контура, после чего позиция оказалась практически беззащитной. К сожалению, только практически: навстречу рванувшимся в атаку «номерам» Кобрин ударили несколько электромагнитных пулеметов, и пришлось снова залечь – на такой дистанции бронеконтакты не держали разогнанных до нескольких звуковых вольфрамовых стрелок.

Сверившись с переданным «орбитой» обновленным пакетом данных, капитан, не сдерживаясь, выругался. Похоже, им не пробиться, грудью на пулеметы не пойдешь, не XX век на дворе. Вся надежда на Первого, есть шанс, что с его стороны не подготовлена столь горячая встреча. Но людей в любом случае положат немало. Хотя... есть вариант. Идиотский, конечно, вариант, командование его, если живым вернется, за подобное вздует по самые помидоры. Но иначе как пацанов вытаскивать?

– Воздух-1, ответь Кобре.

– На связи, – немедленно откликнулся пилот одного из «полтинников».

– Обстановку видишь?

– Так точно. Только помочь не смогу, вы в зоне поражения. Зажатая группа тоже. Вызывайте «Ланцета», они точно отработают.

– Некогда, – отрезал Кобрин. – Им десять минут только на предполетную нужно и еще столько же на спуск с орбиты. Не вариант. Слушай, Воздух, приказывать я тебе права не имею, но душевно прошу: сможешь у них по головам пару раз пройти? На сверхзвуке и максимальной гравитяге? А потом, как мы ребят вытащим и отойдем, раздолбишь все в щебень.

– Сдурел, пехота?! – искренне удивился пилот, ожидавший услышать что угодно, но только не это. – До вас же всего сотни полторы метров по горизонтали?! А если промахнемся? Вас же в фарш размажет!

– Так не десять же. И с чего б вам промахиваться, прицельно-навигационную систему никто не отменял. Принимай пакет, пошла передача.

– Ну, ты даешь... – уважительно протянул пилот. – Точно псих. Ладно, отводи своих, насколько сможешь, тридцать секунд. Защиту на максимум врубите и рты откройте. И это, сглатывайте, что ли, почаще, хоть немного давление сравняете. Или орите погромче. Двадцать пять секунд до атаки.

Летуны отработали красиво. Когда силуэты снижающихся штурмовиков ринулись, оставляя за собой белесые полотнища спрессованного воздуха, к земле, Сергей поймал себя на мысли, что, возможно, все это и на самом деле окажется глупой и опасной идеей. Хотя бы потому, что раньше никто ничего подобного просто не делал. Но менять что-либо было уже поздно. Первый раз долбануло по ушам, когда «Ми-50» на высоте метров ста перешли звуковой барьер. Почти сразу же привычно вдавило барабанные перепонки и в груди противно завибрировало. Хотелось вжаться в грунт, став совсем крошечным и очень-очень плоским, но Кобрин не опускал потяжелевшей головы, заставляя себя наблюдать за происходящим. Коль уж он это сумасшествие задумал, нужно хоть до конца досмотреть. А то как-то даже неудобно перед летунами... и своими пацанами, которым сейчас ничуть не лучше.

В последний момент расчет зенитки понял, что происходит, и попытался развернуть установку, но им катастрофически не хватало времени. Распластанные тени несущихся со скоростью в пять звуковых штурмовиков прошли, растягивая за собой роскошные хвосты взвихренной пыли, на высоте метров в двадцать над вражеской позицией. Сильно заломило в ушах, и почти потерявший слух Сергей судорожно сглотнул, словно погружающийся под воду пловец. Воздушная волна сорвала крыши с близлежащих строений, а гравитационный удар мгновенно смял рванувшиеся вслед «полтинникам» листы кровельного металлопластика в нелепые комья. Подхваченные рукотворным торнадо взлетели в воздух тела зенитчиков, тут же превратившиеся в алые облачка разможенной ткани. Перевернулась сорванная со станины плазменная установка. И в следующий миг позицию накрыла пыльная волна.

Летательные аппараты развернулись едва ли не на месте – от чудовищной многовекторной перегрузки летчиков спасали лишь противоперегрузочные скафандры и встроенные в пилотские кресла антигравитационные компенсаторы – и ринулись в обратном направлении, прямо сквозь поднявшийся над целью пыльно-дымный смерч. На сей раз «Ми-50» прошли еще ниже, окончательно перемешав с землей и позицию, и развалины, в которых укрывались прикрывавшие зенитку боевики. Точнее, не перемешав, а раскатав, словно по земле прошелся невидимый дорожный каток.

Набрав высоту, старший боевой пары вызвал капитана:

– Кобра, живой?

– Нормально, Воздух, спасибо. Отлично отработали. Мы отходим, следите за отметками. Как выберемся, раз... тут все к такой-то матери! – Сергей торопливо облизал с верхней губы бегущую из носа кровь. Ушам тоже было подозрительно тепло и влажно, но полностью слух он не потерял, значит, перепонки уцелели.

– Добро, пехота, – поколебавшись, пилот добавил в нарушение всех мыслимых и немыслимых правил радиообмена: – Ну, ты и псих, капитан! Побольше бы таких, глядишь, уже и мир бы был. Вместе с тобой интересно воевать. Ладно, глядишь, еще и познакомимся. Уходите поскорее, сейчас мы ударим, а после бомберы подойдут, Орбита сообщила. Отбой связи.

– Отбой... – буркнул Кобрин, постепенно приходя в себя. – Всем номерам, здесь Нулевой. Доложить о потерях. Отходим на исходную, немедленно. Десять секунд.

Штурмовики нанесли удар, когда потрепанная рота, вынося с собой убитых и раненых, выбралась из промышленной зоны, едва не ставшей могилой для доброй половины пехотинцев. Помогавший медикам грузить «трехсотых» в эвакуаторы, Сергей обернулся. Над руинами поднималось сотрясаемое ударами новых и новых взрывов огненно-дымное облако. А из поднебесья, стремительно увеличиваясь в размерах, заходила на цель четверка многоцелевых фронтовых бомбардировщиков: командование решило больше не рисковать жизнями бойцов, предварительно раскатав в блин непокорный укрепрайон вместе с прилегающими городскими территориями, благо мирное население, по согласованию сторон, было эвакуировано еще до начала высадки...

В этот же день штурмовую роту отвели в тыл, а капитана Кобрин вызвал начальник контрразведки. Сергей подозревал, что, очень может быть, ему придется расстаться с одной, а то и двумя маленькими звездочками на погонах (и перестать мечтать об одной, но большой, до которой ему оставалось всего пару лет выслуги), но все вышло совсем иначе. Выслушав доклад, полковник Дронов предложил садиться (Сергея послушно опустил на краешек стула), походил, заложив руки за спину, по кабинету и, остановившись напротив прямого, будто шпагу проглотил капитана, сообщил:

– Ну, что, герой? Значит, придумал новый метод борьбы с наземным противником? Небось, еще и запатентуешь?

– Так точно... то есть простите, никак нет... виноват... – стушевался капитан, не сразу уяснив, что собеседник шутит.

– Но людей-то спас? Кстати, у тебя, шепну по секрету, самые низкие потери в этой долбаной операции. А вот те, кто ее разрабатывал, уже дают показания в моем ведомстве, вот так-то. Уроды, мать их! Стратеги херовы! Тактики, пальцем деланые! Ладно. – Полковник внезапно успокоился, сделав еще круг по кабинету. Не понимающий, к чему клонит особист, Сергей предусмотрительно молчал.

– Ладно, – повторил Дронов, вновь остановившись напротив офицера. – Хрен с тобой. Твои действия признаны хоть и крайне опасными для личного состава, но оправданными и целесообразными в данной конкретной ситуации. Главное, людей спас. Но больше так не делай.

– Никак нет, не буду! – просияв, подскочил было капитан, но тяжелая рука контрразведчика опустилась на плечо, заставив опуститься на место.

– Но наказать тебя придется. А то уж больно много у тебя звезд на погонах. Такому, блин, гению и трех штук за глаза хватит.

– Так точно, – упавшим голосом пробормотал тот, прикинув, что могло быть и хуже. Потерять одну звезду все же лучше, чем две.

– Потому отправляешься в Высшую академию Сухопутных войск, – усмехнулся полковник, прекрасно понимавший состояние Кобрин. – И только попробуй вернуться без трех звезд на плечах! Документы уже подписаны и завизированы, сопроводительный файл отправлен на Землю. У тебя сутки, чтобы сдать дела и попрощаться с подчиненными. Свободен.

– Товарищ полковник! – ахнул Сергей, вскакивая на ноги. – Спасибо! Но... почему я?

Начальник особого отдела смерил его неожиданно насмешливым взглядом:

– Почему? Ну, скажем так, за неординарность мышления и все такое прочее. До того, чтобы использовать штурмовой гравилет класса «КА» в качестве наземного оружия, никто пока не додумался. Кстати, из штаба авиагруппы звонили, очень уж им интересно с тобой лично познакомиться. Я отказал, времени нет. И, к слову, не благодари раньше времени, еще неизвестно, что лучше – здесь с четырьмя маленькими звездами или там с тремя большими. Ответственность, видишь ли, совсем другая. И не только ответственность.

– Но... – неуверенно протянул капитан.

Особист смерил его еще одним взглядом, на этот раз мрачным:

– Потом поймешь. Если жив останешься. Все, свободен, больше не задерживаю. В приемной получи предписание и информационный кристалл с личным делом.

– Есть, – поняв, что разговор окончен и больше он ничего не добьется, Кобрин четко развернулся через левое плечо.

И, уже закрывая за собой дверь, услышал:

– Удачи, капитан. Надеюсь, я в тебе не ошибся...

Глава 1

Земля, далекое будущее, год спустя

Курсант Высшей академии Сухопутных войск Сергей Кобрин задумчиво глядел вдаль сквозь запотевший пивной бокал. Пиво было светлым, и оттого перспектива окрашивалась в светло-пастельные тона. По стенке кружки лениво сползали капли конденсата – температура подаваемого в офицерском баре пенного напитка всегда поддерживалась на должном уровне, – плюхаясь на столешницу, словно «ОДБ-10К» с борта орбитального бомбардировщика на поверхность мятежной планеты, тяжело, гулко и не особенно прицельно. Поскольку особой точности наведения при применении десятитонного боеприпаса и не требовалось, слишком велик радиус сплошного поражения.

Сегодня был последний, или, как он привык говорить за семь лет армейской службы, «крайний» день перед прохождением первого в его жизни «Тренажера». Именно поэтому курсант ВАСВ Кобрин, чьи погоны пока еще украшали три двухконтурные золотые звезды «неполного полковника», сидел сейчас в этом баре, размышляя о том времени, когда он торжественно отломит и сдаст в архив внешний контур, став настоящим «полным» полковником. Но до этого еще было четыре года обучения – и четыре же этих самых «Тренажера». Не считая сегодняшнего.

Если, конечно, пройдет все обучающие тренировки и вернется живым. Вернее, не позволит своему оставшемуся в родном времени телу умереть.

По сложившейся в академии традиции к допущенному до «Тренажера» курсанту запрещено было подходить, разве что в случае если тот сам пригласит кого-нибудь за свой столик. Сергей прямо-таки физически ощущал возникший вокруг вакуум; незримое поле, окружающее его, словно силовая защита – в баре было достаточнолюдно, – но старался этого не замечать. Да и желания с кем-либо общаться, если честно, не было. От слова «совсем». Так что проводивший с ним беседу штатный психолог в майорском звании оказался прав. Впрочем, ни для кого не было секретом, что на самом деле погоны этого немолодого офицера с пронзительными глазами профессионала высочайшего класса имеют куда больше звезд. Вот только звезд отнюдь не армейских: всем, что касалось тренировок в прошлом, ведала контрразведка.

Невесело усмехнувшись, Сергей поставил полупустой бокал на картонку, припоминая разговор с психологом-контрразведчиком, произошедший перед тем, как тот дал добро на прохождение теста:

– Вы – кадровый офицер, командир штурмовой роты, участник боевых действий на Вирджинии и Терре-3, поэтому не считаю нужным напоминать о том, что ТАМ вам тоже придется посылать подчиненных на верную смерть. Не компьютерных юнитов, а живых людей. наших с вами предков, между прочим. Равно как и рисковать жизнью наравне с ними. Хочу лишь спросить: осознаете ли вы, что это не виртуальная реальность с эффектом полного погружения? Все, с чем вы столкнетесь, – настоящее прошлое нашего мира, от которого вам – как и тем, кто был до вас – предстоит «отпочковать» новую линию времени. И ответственность за то, как это произойдет и какими окажутся результаты, лежит только на вас – и ни на ком другом. Возможно, когда-нибудь нашим ученым удастся наладить, гм, контакт с этими параллельными мирами, и мне очень не хотелось бы узнать, что там о вас сохранились исключительно отрицательные воспоминания. Вы все это понимаете?

– Так точно, – коротко ответил Кобрин, не пряча взгляда, – «майор» этого не любил.

– Прекрасно. Теория параллельных миров вам, разумеется, известна. Как и то, что к боевой тренировке допускаются только самые перспективные курсанты. Звучит несколько напы-

ценно, согласен, но это именно так. Это большая честь – и огромная ответственность. Потому должен задать вам последний вопрос: готовы ли вы? Не как военный профессионал и боевой офицер, а именно как человек?

– Готов, – без колебаний ответил Сергей.

– Что ж, надеюсь, это и на самом деле так, – не слишком понятно ответил тот, касаясь пальцем висящего перед ним монитора. – Только что вы получили допуск на прохождение «Тренажера». Пока в звании командира батальона. Удачи, курсант. Свободны.

– Спасибо. – Сергей четко развернулся и строевым шагом покинул кабинет.

Он уже не видел, как психолог, лишь только за спиной курсанта закрылась, подернувшись рябью защитного поля, дверь, вызвал по защищенному каналу связи начальника академии генерал-лейтенанта Роднина:

– Товарищ генерал? Да, я дал добро. Похоже, парень – один из лучших за последние годы. Не удивлюсь, если окажется, что это именно тот, кого мы искали. Что? А, ты об этом... не переживай, Иван Федорович, в нашей теории параллельных миров он не сомневается и искренне верит, что любое проникновение в прошлое создает новый мир. Да, это абсолютно точно, никакой ошибки, данные пси-контроля подтверждают. Я еще и насчет того, что когда-нибудь мы с этими мирами научимся связываться, ввернул. Так что посмотрим, может, хоть ему удастся то, ради чего мы все это затеяли... не сразу, конечно, но тем не менее.

* * *

Возвращаясь из бара в офицерское общежитие, Сергей от нечего делать размышлял над тем, что человечество, похоже, все-таки неисправимо. И потому обречено из века в век наступать на одни и те же самые грабли. Вот взять хотя бы сухопутные войска, в рядах которых он оттянул после офицерского училища семь лет службы: необходимость в них возникла уже на второй сотне лет космической экспансии. До того сил космического десанта, на тот момент практически единственного «наземного» воинского подразделения в составе Военно-космических сил, вполне хватало для разрешения возникающих на поверхности колонизируемых миров проблем, будь то встреча с агрессивной фауной или какие-либо внутренние разборки.

Но время шло, колонии превращались в полноценные миры с налаженной инфраструктурой, закрепленными соответствующими договорами межсистемными политическими и экономическими связями и какой-никакой собственной историей. Про принятый Совбезом ООН после открытия феномена гиперпространственного перемещения закон о едином правлении новосозданной Земной Федерации стали потихоньку забывать.

Нет, внешне все оставалось по-прежнему, и находящийся на прародине человечества Единый Центр Управления, прямой наследник канувшей в Лету Организации Объединенных Наций, де-юре оставался единственным легитимным органом власти. Однако за сто с лишним лет на планетах-колониях возникла и утвердилась собственная политическая элита, подкрепленная внушительным капиталом, в основном опирающимся на добычу полезных ископаемых и высокотехнологическое производство, уже давно с раздражением поглядывающая на далекую Землю.

На давний и полузабытый закон о единых вооруженных силах откровенно наплевали, и вскоре вполне закономерно появились первые «планетарные», то есть частные армии, подчиняющиеся исключительно местным властям. После нескольких вооруженных конфликтов, вышедших за орбиты миров-колоний, стало понятно, что силами одного только немногочисленного космодесанта и ВКС с проблемой не справиться: не станешь же превращать орбитальными ударами мятежные планеты в радиоактивную пустыню? А десант мало подходил для масштабных действий на поверхности: спецназ – инструмент для быстрого и точечного воздействия; хирургический скальпель, а не всепокрушающая кувалда сухопутных войск. Их

этому просто не учили. Захват и удержание плацдармов под высадку основных сил, спецоперации в тылу противника, разведывательно-диверсионная деятельность, борьба с террористами – да. Но не ведение полноценных боевых действий с наземными армейскими подразделениями, порой вооруженными и защищенными ничуть не хуже, а то и лучше десантников.

В конце концов правительство вынуждено было признать, что вопрос встал ребром: или окончательное превращение Федерации в подобие лоскутного одеяла из независимых планет, в точности как было на Земле до выхода в дальний космос. Или – быстрое и жесткое наведение порядка руками вновь созданных федеральных сухопутных войск и военно-космической авиации (размещенной на кораблях ВКС и потому находящейся в двойном подчинении).

Решение о создании нового-старого вида вооруженных сил было принято Единым Центром практически единогласно, буквально в течение нескольких часов. Зато боевые действия в колонизированных системах с той или иной интенсивностью шли уже почти три десятка лет...

Сухопутные войска со средствами непосредственной огневой поддержки и усиления всегда шли вторым эшелоном, вслед за космодесантом. Который после прорыва силами ВКС орбитальной обороны противника и подавления точечными ударами наземной ПВО-ПКО занимался своим основным делом – захватом и удержанием плацдарма под высадку основных сил. После высадки планетарных сил десант, как правило, уходил – у «сухопутов» имелись свои разведывательно-диверсионные подразделения и отряды специального назначения, дальние родственники земного армейского спецназа. Ну, а войска «колонийной пехоты», как их порой называли в СМИ, приступали к выполнению своей основной миссии: восстановлению на поверхности мятежных планет конституционного порядка, подавлению очагов сопротивления – порой весьма серьезных очагов, владеющих даже тактическим ЯО со средствами доставки, – и выявлению инсургентов (этим, понятное дело, занималась армейская контрразведка вместе с госбезопасностью).

Проблема крылась в другом – уже в первые годы выяснилось, что мирное столетие не прошло даром: опытных командиров, способных планировать грамотные сухопутные операции, попросту не было. Военные академии и офицерские училища выпускали прекрасно подготовленных теоретиков, но воевать в виртуальной реальности или на 4D-тренажерах с эффектом полного погружения – и столкнуться на поле боя с отлично подготовленным противником, порой успевшим принять участие в локальных войнах на поверхности собственных планет, оказалось вовсе не одним и тем же. Нужны были обстрелянные и понюхавшие пороха практики – те, кто учился бы на реальном примере, в реальных сражениях. Со временем такие офицеры появились, но их оказалось мало – особенно с учетом невосполнимых потерь, неминуемых на любой войне.

И тогда служба безопасности Земной Федерации неожиданно выбросила из рукава никем не ожидаемый козырь. Да еще какой! Как выяснилось, еще два века назад, во время изучения феномена гиперпрыжка, была открыта возможность путешествий во времени. Разумеется, все сразу засекретили почти на полтора столетия, поскольку просто не знали, что с этим открытием делать и насколько опасно вторгаться в прошлое. Какие-то осторожные эксперименты с недалеким прошлым проводились, но все проходило под грифом гостайны, и о результатах исследований практически никто ничего не знал, даже высшие чины Минобороны.

Теперь же контрразведка предлагала использовать «машину времени» для обучения в боевых условиях наиболее перспективных офицеров Генштаба, посылая их сознание в далекое прошлое, на самую страшную и кровопролитную войну XX века – Вторую мировую. Психоматрица испытуемого подсаживалась в сознание военачальника того времени, после чего он должен был провести там определенное время, участвуя в реальных боях. Основной смысл этих тренировок был в том, чтобы будущие стратеги и тактики смогли переиграть заведомо проигранный сражение, как минимум сведя результат к ничьей, а как максимум – одержав победу. Чтобы усложнить задачу испытуемых, им не сообщали ни время, ни место переноса, ни лич-

ность «реципиента». Можно было попасть в тело военачальника РККА за пять лет до начала войны или за час до немецкой артподготовки ранним утром 22 июня... или вовсе прийти в себя в полузасыпанном штабном блиндаже, сотрясаемом близкими разрывами. И выяснять, какой сейчас год – 41-й или 43-й, – в этом случае предстояло под градом осколков, ежесекундно рискуя погибнуть, причем в обоих временах, и в прошлом, и в будущем. Впрочем, подавляющее большинство курсантов отправлялись именно в 41-й год, наиболее подходящий для тренировок в кризисных условиях непрекращающегося цейтнота.

Согласно подтвержденным научным выкладкам и заверениям руководителей проекта «Тренажер», опасности для настоящего это не представляло: каждое проникновение в прошлое, неизбежно влекущее за собой изменения будущего, не изменяло текущей реальности, а «отпочковывало» от основной линии времени новую ветвь, представляющую собой полноценный мир, начинающий свою историю от момента внесения изменений. Как развиваются дальнейшие события в каждом из «новых» миров, никто не знал – возможности отслеживать подобное не существовало даже теоретически: связи между параллельными мирами не было.

По крайней мере, так гласила официальная версия, подтвержденная множеством научных фактов и теоретических выкладок. Как все обстояло НА САМОМ ДЕЛЕ, знал лишь десяток человек в ГШ и научном отделе службы безопасности.

Однако была еще одна особенность, с которой кандидатов на прохождение «Тренажера» знакомили непосредственно перед тем, как получить согласие на участие. При гибели носителя психоматрицы в прошлом тело оставшегося в будущем «донора» также имело все шансы погибнуть: по неведомой ученым причине сознание не всегда возвращалось обратно. Но подобных случаев за десять лет существования проекта оказалось немного, около 10 % от общего количества проходивших «Тренажер» курсантов – с точки зрения прагматичной армейской статистики, вполне допустимый результат. Те самые «вероятные потери», определенный процент которых закладывается при разработке планов любых войсковых учений в мирное время.

Остальные благополучно возвращались в свои пребывающие в коматозном состоянии тела, находящиеся на системах искусственного поддержания жизнедеятельности. Поскольку после возвращения курсанты давали пожизненную подписку о неразглашении того, что именно они делали в прошлом и какие воспоминания привезли в свое время, подробностей не знал никто. Но воевали прошедшие полный цикл «Тренажеров» (по одному на каждый курс обучения) однозначно лучше большинства сокурсников, по тем или иным причинам не получивших допуска или заваливших часть тренировок. Почти все из них – кто выжил, разумеется, – после нескольких лет боев возвращались в академию уже в качестве преподавателей и инструкторов, постепенно вытесняя не нюхавших пороха «теоретиков», переводимых на второстепенные должности или торжественно отправляемых в отставку.

Остальные слушатели ВАСВ, не проходившие «Тренажеров», выпускались в звании, лишь на ступень превышающем то, которое имели при поступлении, и отправлялись в боевые части – им предстояло научиться воевать самим. Сразу на фронт их почти никогда не посылали, разве что тех, кто показал наилучшие результаты, сперва назначая на штабные должности в войска второго эшелона. Многие из них становились отличными военачальниками, занимая должности вплоть до уровня командующего армией, но, прежде чем это происходило, проходили годы. Но время – несмотря на то что люди и получили возможность путешествовать в прошлое – ощутимо поджимало. Затянувшуюся на долгие годы войну, каждый день, неделя или месяц которой слишком дорого обходились человечеству, следовало завершить как можно скорее. И потому нужны были гении. Те, кто сумел бы окончательно и бесповоротно переломить ситуацию, приведя наконец Земную Федерацию к долгожданному миру.

И потому завтра будущему полковнику Генерального штаба Сергею Кобрину, одному из немногих избранных из всего потока первокурсников, предстояло пройти первый в его жизни «Тренажер». Пока на должности комбата, а дальше? Как надеялись те, кто десять лет назад

после долгих споров и колебаний все-таки решился воплотить в жизнь столь опасный и непредсказуемый проект, каковым являлся «Тренажер», ему удастся пройти все пять обучающих циклов, завершив курс на должности командарма ТАМ и получив погоны полного полковника Генерального штаба – ЗДЕСЬ...

* * *

– Как себя чувствуете? Готовы? – осведомился лаборант у лежащего на эргономичном матрасе медицинской капсулы Кобрин. Опутанный проводами датчиков мониторинга жизнедеятельности, будто техногенной паутиной, Сергей иронично хмыкнул:

– Лучше не бывает. Да готов, готов практически, как пионер. Начинайте уж, к чему тянуть.

Судя по выражению лица, насчет пионера научник не понял, поскольку не проходил углубленного гипнообучения реалиям времени, в которое предстояло отправиться Сергею... ну, в смысле его психоматрице. Его же готовили всерьез: глупо было сразу же погореть на незнании элементарных вещей, например стоимости буханки хлеба в 41-м году или особенностей произношения тех или иных слов. К примеру, перед войной было принято говорить «кофэ» вместо привычного «кофе» или ставить ударение в слове «шофер» на первый слог. Ну и так далее. Собственно, каждый курсант, получивший допуск на прохождение «Тренажера», весь крайний месяц занимался исключительно углубленным изучением исторических реалий вплоть до мелочей. Историю же Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной в частности все слушатели академии знали, что называется, назубок. Вне зависимости от того, заслужишь ли ты допуск или нет.

– Хорошо. – Облаченный в медицинский костюм лаборант ободряюще улыбнулся сквозь прикрывавшую лицо прозрачную маску, сверился с какими-то данными на портативном планшете и отступил, обратившись к кому-то невидимому, стоящему в изголовье: – У нас все готово, начинать?

– Сейчас, – глуховатый голос начальника ВАСВ генерал-лейтенанта Роднина Сергей узнал сразу, хоть слышал его всего дважды, на построении в день зачисления и во время торжественного вечера в честь очередного юбилея академии. – Оставьте нас на несколько минут.

– Но процедура уже запущена, нам придется...

– Со слухом плохо? Могу повторить, – в свойственной ему грубоватой манере ответил Роднин, оттирая научника могучим плечом. Стушевавшись, лаборант пискнул «простите» и, прижав к груди планшет, торопливо убрался из поля зрения – ворочать бритой налысо головой, оплетенной сетчатым «чепчиком» мнемодатчиков и зафиксированной эластичным налобным обручем, Кобрин не мог. Спустя мгновение над обездвиженным капитаном навис грозный генерал-лейтенант:

– Боишься, курсант?

«Игра в отца-командира? – с удивлением подумал Сергей, взглянув в глаза генералу. – Нашел время».

– Никак нет, скорее просто немного волнуюсь. Нормальный мандраж, как перед боевым выходом.

– Врешь, конечно. А если правду сказал, значит, совсем дурак. Только дурак не боится, умный – опасается. Ладно, не суть важно.

Иван Федорович оперся руками о борт медблока, напоминающего неглубокую пластиковую «ванну» с поднятой прозрачной крышкой. Грубое, словно высеченное из гранита, и оттого чем-то напоминающее древние памятники советским воинам-освободителям времен Великой Отечественной войны лицо склонилось над капитаном:

– Слушай меня внимательно, капитан. Слушай и запоминай. Самое главное – не вздумай считать это просто еще одной виртуальной тренировкой. Действуй так, словно нет и никогда не было никаких параллельных миров и «вторичных» ветвей истории. Не сомневайся, что отправляешься в реальное прошлое, единственное из возможных. Воюй по-настоящему, дерзко, смело, но продуманно. Говорят, ты – лучший из первокурсников своего потока. Вот и докажи это. Ты прекрасно знаешь историю за крайние две сотни лет – вот и помоги изменить ее к лучшему.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант... – пробормотал Кобрин, ощущая, как все его тело становится ватным и начинает кружиться голова. Говорить стало тяжело, губы не слушались: – Разрешите... вопрос...

– Все, тебе пора, – скосив взгляд в сторону, внезапно закончил Роднин. – Удачи. И – возвращайся!

Сергей попытался закончить фразу, но мысли путались и сознание уже угасало, погружаясь в темноту. Накатила – и тут же исчезла тошнота. Голова пошла кругом, внезапно став невесомой, словно пух росшего в его родном дворе старого тополя. Легкий порыв существующего лишь в воображении ветра подхватил то, что еще мгновение назад было Сергеем Кобриным, и понес куда-то в неведомую даль.

Крайней мыслью, которую он еще успел сформулировать, было: «Интересно, это всем проходящим тренировку генерал-лейтенант напутствие читает? Типа чтобы не расслаблялись и воевали, как в последний раз? Или только один я такой весь из себя уникальный?»

Затем все исчезло.

И тут же вернулось вновь.

Но уже совсем в ином месте и времени.

Глава 2

Пригород Граево, ночь на 22 июня 1941 года

Едва придя в себя, Кобрин ощутил заполонивший все его существо иррациональный страх: какой-то показавшийся бесконечно долгим миг он был одновременно и самим собой, и еще одним человеком, тем самым неведомым реципиентом. Не желающий впускать в себя чужое сознание разум подсознательно, на уровне инстинкта самосохранения, противился – и от этого становилось еще страшнее. В какое-то мгновение ему показалось, что тот, другой, возьмет верх, победит, подомнет – и он растворится в его воспоминаниях, в его «я» и исчезнет навсегда...

Едва ли не против воли припомнив, чему учили на одном из психологических тренингов перед началом теста, Сергей взял себя в руки, успокаиваясь, и наваждение исчезло, словно и не было. Теперь он точно знал, что он – это именно он, тридцатидвухлетний капитан штурмовой роты 42-го МПП Сергей Владимирович Кобрин, курсант ВАСВ, будущий полковник Генерального штаба. Что ж, похоже, умники из научного отдела не обманули: ассоциация прошла штатно. Как и было обещано, сознание «донора», то бишь его собственное, временно подавило разум реципиента, завладев в качестве трофея всеми его профессиональными навыками и умениями. Когда придет пора возвращаться в свое время, тело вернется под контроль настоящего хозяина, и тому придется порядком удивиться. Впрочем, некоторые изучавшие вопрос специалисты утверждали, что реципиент сохранит основную часть воспоминаний, но не будет понимать, откуда они взялись. Сведения же о том, что будет помнить донор, как уже говорилось, представляли государственную тайну...

В следующий миг активизировался информационный пакет, загруженный в его разум во время одного из сеансов гипнообучения, и секунду спустя Сергей знал, кто он теперь и где находится. Точнее, «когда», поскольку вопрос о конкретном местоположении в данной ситуации был вторичен.

Итак, сейчас он капитан РККА Иван Степанович Минаев, командир батальона 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии, дислоцированного на госгранице в районе бывшего польского городка Граево.

«Смотри-ка, – мысленно усмехнулся Сергей, все еще не раскрывая глаз, – снова капитан, как и там, у себя».

А день сегодня... воскресенье, 22 июня 1941 года, немного за полночь. В голове словно беззвучно рванула штурмовая граната: 22 июня! 41-го года! Война начнется через несколько часов! Ну, удружили товарищи руководители! Хоть бы пару лишних дней дали, чтобы немного освоиться, вжиться в новую для него реальность! Что можно успеть изменить за четыре неполных часа, если ты всего лишь комбат? Или все-таки можно? Или... никто и не планирует, что он сумеет что-то изменить?

Кобрин распахнул глаза и решительно сел на жалобно скрипнувшей пружинами кровати. Снова накатило головокружение, его ощутимо повело в сторону, и, чтобы не упасть, пришлось вцепиться пальцами в край застилавшего койку тощего матраса. Мгновение спустя недомогание прошло, и капитан огляделся. В небольшой, метров девять площадью комнате царил полумрак; легкий ветерок едва заметно колыхал легкие занавески. На выкрашенном темно-коричневой краской полу с домотканым прикроватным половиком лежал светлый контур распахнутого окна: где-то снаружи горел фонарь, видимо, помещение располагалось на первом этаже. На оклеенной неброскими или выцветшими обоями стене размеренно тикали ходики.

Поднявшись на ноги, капитан сделал на нетвердых ногах несколько шагов к двери, нащупав возле косяка круглую коробочку выключателя. Память – то ли реципиента, то ли заложенная в будущем – услужливо подсказала, что для включения освещения нужно повернуть по часовой стрелке непривычного вида рычажок. Щелчок – и под потолком загорелась тусклая лампа накаливания под плоским абажуром. Несколько секунд Сергей, щуря привыкшие к темноте глаза, с интересом разглядывал архаичный осветительный прибор: в его времени ничего подобного не существовало уже больше двух с лишним веков. Хмыкнув – если обращать внимание на каждый артефакт далекого прошлого, никакого времени не хватит, – Кобрин-Минаев подошел к настенному зеркалу. Вгляделся в свое-чужое лицо, знакомясь с новой внешностью.

Капитан Минаев оказался ниже его ростом, но несколько шире в плечах. Лицо? Да самое обычное, вполне так себе славянского типа. Коротко стриженные русые волосы, небольшой шрам над левой бровью, еще один на скуле. Сергей улыбнулся, затем нахмурился, привыкая к мимике реципиента. Проверив моторику, подвигал руками, несколько раз присел и прошелся по небольшой комнатке, остановившись возле письменного стола. Нагнутой спинке венского – вроде так он называется? – стула висела гимнастерка, сложенные с армейской аккуратностью галифе лежали на сиденье. Полевая сумка и портупея с кобурой обнаружили на спинке кровати, увенчанной – видимо, в соответствии с местной модой – никелированными шарами-набалдашниками.

Расстегнув тугую ремешок, Кобрин откинул клапан кобуры и вытащил пистолет. Выщелкнув из рукояти магазин, зачем-то отвел и спустил с задержки негромко клацнувшую затворную раму. Оружие было отлично знакомо – восьмизарядный автоматический пистолет системы Токарева, калибр 62 мм: не полагаясь только на информационные «закладки» и память реципиентов, допущенных к прохождению «Тренажера», курсантов знакомили с огнестрельным оружием заданного времени. И даже проводили обязательную огневую подготовку – Сергей так и не узнал, откуда брали боеприпасы, то ли со складов стратегического резерва (что вряд ли, за 200 лет патроны просто не могли не «скиснуть»), то ли специально производили малыми партиями именно для нужд академии.

Убрав пистолет обратно в кобуру, Сергей выключил свет, напился воды из стоящего на столе стеклянного графина – отчего-то жутко мучила жажда – и подошел к окну. Отведя в сторону занавеску, выглянул наружу. Довольно просторный внутренний двор, более всего напоминавший армейский плац (да наверняка им и являвшийся), был пуст, лишь возле входа в соседнее здание топтался на одном месте, видимо, чтобы не заснуть, часовой. Над его головой горел фонарь, тот самый, что и освещал комнату. Память снова подсказала, что это и есть расположение первого батальона 239-го СП, одного из трех в дивизии. Вообще-то батальоны отдельно от полков не располагались, конечно, но тут случай особый, уж больно удобным для размещения оказался бывший польский военный городок. Который, увы, никак не мог вместить весь полк вместе с инфраструктурой. Охраняемое караульным зданием – штаб, финчасть и особый отдел, в полусотне метров отсюда – казармы, еще дальше – хозяйство автороты и все такое прочее. Ну а сам он находится в доме комсостава, разумеется. В той его части, где размещаются не успевшие обзавестись семьями командиры.

Прохладный по ночному времени воздух был удивительно чистым, не испоганенным привычным городскому жителю смогом и одуряюще пах отцветающей травой и еще чем-то, вовсе уж незнакомым. Кобрин с удовольствием вдохнул полной грудью: раз, другой, третий – до тех пор, пока легонько не закружилась голова. В его времени такой воздух встречался разве что на недавно колонизованных планетах, еще не развернувших в полной мере программу индустриализации. Заметивший движение в окне часовой на всякий случай немедленно вытянулся по стойке «смирно», лихо брякнув о землю прикладом брошенной в положение «к ноге» винтовки с примкнутым штыком. Мол, глядите, тарщ командир, не сплю и бдительности не теряю! Улыбнувшись – солдат, вне зависимости от того, какой сейчас на календаре век, всегда

и везде остается солдатом, – Сергей кивнул, задернул занавеску и уселся обратно на скрипящую кровать. Ну что ж, вот он и на месте. Причем как в пространстве, так и во времени. Как его зовут, где и когда он находится, теперь известно – пора разобраться с остальным.

Откинувшись на подушку, капитан поерзал, устраиваясь поудобнее, прикрыл глаза и начал «вспоминать» собственную биографию. И так, родился он в 1916 году в семье, как принято говорить в этом времени, пролетариев, первый ребенок в семье. Мать – прачка, отец – рабочий железнодорожного депо, активный участник большевистского подполья, партийный стаж с 1904 года. Погиб в бою с белоказаками где-то на Дону в 18-м. Тогда же умерла от тифа младшая сестренка.

В 30-м Иван Минаев закончил семилетку и, твердо решив связать свою судьбу с армией – отчасти в память о сгинувшем в горниле Гражданской отце, – поступил в пехотное училище, которое закончил через три года в звании младшего лейтенанта. После училища нес службу в Белорусском особом военном округе, летом 40-го года переименованном в ЗапОВО. Успел Минаев и повоевать – после начала Первой мировой в качестве командира взвода участвовал в Польском походе; спустя год, будучи уже ротным, сражался на Финской войне, где заработал легкое обморожение, контузию и осколочное ранение от близкого разрыва вражеского снаряда – те самые два шрама на лице. После госпиталя, где он провалялся до конца весны, Иван Степанович вернулся в родную часть уже старлеем и с новеньким орденом Красной Звезды на гимнастерке. Ну а три месяца назад, в марте 41-го, Минаев получил капитанское звание и принял под командование полнокровный батальон. Не женат, детей не имеет, из семьи – только мать, проживающая в небольшом поселке Новочеркасского района.

Вот и вся немудреная жизнь того, чье тело он сейчас занимает, уложившаяся в несколько секунд воспоминаний. Прямая, словно штык от трехлинейной винтовки – полугодовалое и холодное детство, проведенная в училищных стенах и продуваемых всеми ветрами палатках летних лагерей юность – и зрелость, которой суждено совпасть во времени с самой кровавой в человеческой истории войной. О которой капитан Иван Минаев – в отличие от капитана Сергея Кобринина – пока не знал. Хоть наверняка догадывался: память реципиента хранила воспоминания о политзанятиях, где комиссар, рассказывая о нерушимой дружбе и союзническом долге между СССР и Германией, одновременно напоминал о необходимости удвоить бдительность и быть готовым в любой момент отразить вероломный удар коварного врага. Да и в ведущихся на досуге между красными командирами разговорах никто особо не сомневался в скором начале войны. И противник назывался вполне определенно – те самые «друзья-союзники», чьи разведывательные самолеты в последние недели что-то уж больно часто «случайно» перелетали госграницу и подолгу барражировали над советской территорией, производя аэрофотосъемку и наблюдая за передислокацией войск.

Вот только в конкретной дате ее начала мнения расходились: большинство считали, что в этом году немцы не нападут, хоть до них и доводили данные разведки о сосредоточении сил противника на западной стороне Буга. Меньшинство, куда входили главным образом успевшие принять участие в боевых действиях ветераны, были уверены, что нападение неминуемо и начнется не позже июля, максимум – начале августа. Поскольку воевать в условиях осенней распутицы и тем более зимних морозов немцы не станут.

Комбат Минаев, разумеется, входил в число последних...

Хорошо, с этим все понятно. Теперь нужно «вспомнить», что он знает о боевом пути 27-й стрелковой, и уже отсюда планировать что-то конкретное. И так, что ему известно? Не из памяти капитана Минаева, разумеется, – из будущего. К началу войны – то есть к сегодняшнему утру – подразделения дивизии прикрывали участок госграницы в районе бывших польских городов Граево, Августовка и Сухово, где и приняли первый бой с двумя пехотными дивизиями вермахта, 162-й и 256-й. Из-за чудовищной неразберихи первых суток войны и катастрофических проблем со связью полки дивизии остались без централизованного управле-

ния и налаженного взаимодействия между частями, как пехотными, так и вспомогательными. В результате большая часть подразделений 27-й СД, чтобы не оказаться в окружении в первый же день, отступила, попытавшись задержать немцев около реки Бобр. Увы, безрезультатно – гитлеровцы прорвали слабо организованную оборону еще до наступления темноты. 24 июня, потеряв за двое суток практически непрекращающихся боев с превосходящими силами противника почти половину личного состава и техники, дивизия предприняла попытку контратаки, а на следующий день получила, наконец, четкий приказ: до последней возможности всеми силами и средствами прикрывать отступление частей 3-й армии, 4-го стрелкового корпуса.

Приказ бойцы 27-й стрелковой выполнили. Ценой своих жизней и самого существования дивизии, практически полностью уничтоженной на этом, ставшем для них последним рубеже обороны. Немногие уцелевшие укрылись в лесах, не имея ни связи между отдельными группами окруженцев, ни достаточных запасов медикаментов, провианта и боеприпасов, и выходили к линии фронта вплоть до августа, почти полтора месяца ведя в тылу гитлеровских войск диверсионную партизанскую войну.

В начале осени 41-го дивизию расформировали, как прекратившую существование боевую единицу.

Не раскрывая глаз, Кобрин глухо выругался: уж больно типичной для лета 41-го оказалась история «его» нынешней дивизии! А сколько еще таких батальонов, полков и дивизий перемолола кровавая мясорубка приграничного сражения! Или, правильнее сказать, не сражения, а разгрома. И вот ведь что обидно – практически везде было одно и то же: внезапность нападения, неразбериха первых часов и дней войны, отсутствие нормальной связи между частями и штабами, запаздывающие сведения с фронта, общая растерянность командования, доводящего до подразделений приказы, порой полностью противоречащие друг другу!

Нет, в его времени подобное тоже встречалось – взять хотя бы ту самую недоброй памяти высадку на Вирджинии, стоившую федеральным войскам почти полторы тысячи погибших в течение нескольких суток и в два раза больше раненых, – но не в таких же масштабах!

Внезапно Сергей ощутил, как по телу прокатилась, заставив шевельнуться короткий ежик волос, волна страха... и понимания: елки-палки, а ведь все то, о чем он только что размышлял, – не просто архивная информация, загруженная в его разум в родном времени! Все это – самая настоящая реальность. Реальность, в которую он буквально через три с небольшим часа окунется с головой! Все то, что он привык считать событиями нереально далекого прошлого, еще НЕ ПРОИЗОШЛО!

И он станет свидетелем того, как все случится.

Или тем, кто попытается хоть что-то изменить...

* * *

Торопливо одевшись и перепоясавшись португеей, Кобрин обулся: начищенные до зеркального блеска сапоги обнаружили под вешалкой. Поскрипывая разохшимися половинцами, подошел к зеркалу и надел непривычного фасона фуражку с малиновым пехотным околышем. Вроде нормально, по крайней мере внешне никак не определишь, что капитан РККА Минаев – не совсем тот, за кого себя выдает. И гимнастерка, и головной убор сидели идеально: чувствовалось, что их носитель – профессиональный, кадровый военный.

Так, ну и что дальше? Будить комполка, поднимать тревогу? Попытаться связаться с командивом, дозвонившись до штаба дивизии в Суховоле? И что он ему скажет? Мол, приснилось, будто немцы сегодняшним утром нападут? И он, комбат Минаев, настоятельно рекомендует немедленно начать вывод войск из ППД? Бред, в лучшем случае обматерят, посоветовав проспаться, в худшем – обвинят в паникерстве и арестуют до понедельника, поскольку в выход-

ной никто с ним разбираться скорее всего не станет. Контрразведчики – тоже люди, которым хочется провести воскресенье с семьей, а не выясняя, что за блажь пришла в голову одному из комбатов.

Да уж, удружили ему товарищи руководители «Тренажера»... с другой стороны, с чего он взял, что тем, кто проходил тренировки до него, было проще? Наверняка нет. Так что сам, все сам... Начштаба и замполита в расположении нет – еще вчера уехали в Брест, первый к семье, второй по каким-то личным делам. Последнее даже неплохо, меньше людей будет мешаться под ногами. Да и врать тоже меньше придется, проще взять всю ответственность на себя. Правда, особист на месте, но с этим придется разбираться по ходу действия. Все, довольно время терять, тут не то что час – каждая минута дорога!

Решившись, Сергей отворил дверь и двинулся к выходу из здания. Миновав погруженный в темноту недлинный коридор, вышел на улицу, едва ли не против воли снова вдохнув полной грудью замечательный местный воздух. Эх, хорошо... жаль только, что вскоре здесь будет пахнуть совсем иначе: сгоревшей взрывчаткой, гарью и свежей кровью. Как, собственно, и на любой другой войне что в прошлом, что в будущем. Торопливо пересек по диагонали плац – часовой у штаба вытянулся по стойке смирно, судя по закаменевшему лицу, решив, что начальство прибыло по его душу. А ведь не спал, вот ей-ей, ни секундочки даже! Зевал, конечно, но зевать по ночному времени уставом караульной службы ни разу не запрещено.

– Здравия желаю, тарщ капитан, красноармеец Иванов...

– Отставить, – буркнул Кобрин. – Помощник дежурного по батальону на месте?

– Так точно, позвать?

– Сам справлюсь. Как вокруг, тихо? Происшествий не было?

– Так точно, тихо. Не было.

– Повнимательнее, сам знаешь, какое сейчас время. Возможны провокации, учти это.

Вдруг кто незнакомый появится, даже если в нашей форме, сразу поднимай тревогу и действуй согласно уставу караульной службы. Невзирая на звание и все такое прочее. Нужно будет стрелять на поражение – сразу стреляй, не думай. Это приказ. Понятно?

– Так точно, понятно.

Оставив удивленного неожиданным появлением начальства и его не слишком понятным предупреждением бойца на посту, Кобрин скрылся в здании штаба. В гулком коридоре его встретил взъерошенный и определенно заспанный сержант-связист. Самого дежурного нигде видно не было. Сделав вид, что ничего не замечает, капитан приказал:

– Слушай сюда, боец. Где ротные живут, знаешь? – Красноармеец суетливо кивнул, все еще ровным счетом ничего не понимая. – Тогда ноги в руки – и бегом. Чтобы через пять минут все пятеро были в штабе. Через пять – и ни секундой позже! Понял?

– Понял, – ошарашенно пробормотал тот. – Так это, а чего им говорить-то? Учебная тревога?

– Просто скажи, комбат вызывает. Остальное не твоего ума дело. Ключи от кабинетов дай – и дуй, одна нога здесь, вторая тоже. Пять минут!

– Есть, – пискнул сержант, протягивая связку ключей. И торопливо порысил к дому состава, гулко бухая по утрамбованной земле плаца солдатскими ботинками.

Командиры стрелковых рот, лейтенанты, как услужливо подсказала память реципиента, Степцов, Куренок и Герадзе прибыли на восьмой минуте – Сергей специально засек время. Не для того, разумеется, чтобы попенять подчиненным за опоздание, просто по вбитой в подкорку привычке, не пойми чьей, то ли его собственной, то ли капитана Минаева, то ли обоих. Лейтенант Исаев, командир пульроты, и командир минометчиков, мамлей Паршин задержались еще на две.

Выглядели все без исключения ротные изрядно помятыми и... ну, пусть будет удивленными. Явно не ожидали ничего подобного в половине первого ночи. Тем более что накануне

и банька была, и кино в клубе, и предвкушение выходного дня. Ну и приняли понемногу на грудь, разумеется, личное время же. Облом, одним словом...

Выслушав нестройный доклад, Кобрин кивнул на расставленные вдоль стола для заседаний стулья:

– Присаживайтесь, товарищи командиры. Можете курить.

Офицеры... в смысле командиры шумно расселись, грохоча ножками стульев по вышарканному подошвами дощатому полу. Судя по выражению лиц, никто из них пока ничего не понимал. От слова «совсем», уж больно не походило все происходящее на объявление тревоги. Несколько секунд капитан молча глядел на подчиненных, затем прокашлялся и заговорил короткими, отрывистыми фразами:

– Значит, так, товарищи. Прошу выслушать то, что я скажу. Как говорится, без комментариев. Информация абсолютно достоверна и сомнению не подлежит. Примерно через три часа, в районе половины четвертого утра, начнется война. По расположениям наших войск в приграничной полосе будет нанесен массированный авиационный и артиллерийский удар. После чего немецкие войска вторгнутся на советскую территорию с нескольких направлений. Вероломно и без предъявления Советскому Союзу каких-либо претензий, – на всякий случай добавил он, припомнив, как вскоре будет официально объявлено по радио Молотовым.

Оглядев ошарашенно переглядывающихся лейтенантов, Кобрин невесело усмехнулся про себя. Похоже, ожидали услышать что угодно, но только не это. Удивительно, что еще ни одного вопроса не задали: настолько удивлены, что просто не знают, о чем именно спрашивать. Вот и хорошо, главное, чтобы особо думать не начали, растекаясь мыслью по древу – в бою есть только приказ, который надлежит исполнить от сих до сих, все остальное вторично и вредно. Так что нужно дожимать, отдавая конкретное и понятное до последней буквы задание:

– Потому приказываю: немедленно и скрытно поднять вверенные вам подразделения по боевой тревоге. Вскрыть оружейные комнаты и раздать бойцам оружие, выдать боекомплект и сухие пайки на три дня. Боеприпасов брать по максимуму, сколько смогут унести. Все вы неоднократно тренировались и отлично знаете, что делать. На все – один час. Медики и связисты уходят вместе со всеми, хоззвод туда же, с оружием, разумеется. Сейчас им место в бою. Полевые кухни бросить. По истечении этого срока батальон выходит из пункта постоянной дислокации вот сюда. – Кобрин ткнул карандашом в расстеленную перед ним карту. – К трем часам утра нужно подготовить позиции, вот здесь и здесь. Скрытно подготовить! Отдельно довожу, все должно проводиться в атмосфере строжайшей секретности, с соблюдением максимальной светомаскировки. Потому личный состав из расположения будет уходить своим ходом.

– А автомашины, у нас же транспорт имеется? – не выдержал комроты-три, лейтенант Куренок. – Виноват, товарищ капитан, перебил.

Кобрин несколько секунд размышлял – в распоряжении батальона имелось три полуторки, приданные им из состава автороты дивизии. Использовались старенькие, еще первых выпусков грузовики в основном для вспомогательных целей: привозили продукты, почту, транспортировали в госпиталь и обратно больных.

– На одну погрузить и эвакуировать в Минск семьи комсостава, у кого имеются, и вольнонаемный персонал. Пусть двигаются по шоссе на Белосток – Барановичи, оно сейчас наверняка свободно. Без вещей, брать только документы и матценности. Гражданским объяснить, чтобы там не задерживались, при первой же возможности уезжали глубже в тыл, пока поезда еще ходят. Перед отправкой провести беседу о нераспространении панических слухов! Оставшийся транспорт переходит в распоряжение младшего лейтенанта Паршина, минометы нам очень понадобятся. Лейтенант, мин бери по максимуму, сколько в кузов влезет, понятно? Пригодятся. После разгрузки машины отправить в тыл, шоферам объяснить, что возвращаться обратно в расположение нельзя, пусть шуруют на Белосток. Стоп, а где командир взвода

ПТО? – внезапно нахмурился Сергей. Конечно, аж целых две «сорокапятки» – не шибко много, но хоть что-то.

– Так это, тарщ капитан, в отпуске он, – удивленно ответил Паршин.

– А, точно. – Кобрин сделал вид, что и на самом деле «вспомнил», хотя на сей раз память Минаева отчего-то подвела. Или реципиент и вправду об этом забыл.

– Бери противотанкистов под свое командование, одну машину им под боеприпасы. Пушки на гужевой тяге пойдут, лошади у нас имеются. Короче, разберись. Вопросы? Пять минут, не больше.

Несколько секунд в кабинете царило молчание, затем ротный-раз Степцов неуверенно спросил:

– Товарищ капитан, а это... точно? Ну, насчет войны?

– Полагаешь, лейтенант, немцы тебя должны были письменно известить? За три дня, заказным письмом? – Ротные тускло заулыбались немудреной шутке.

Наклонившись через стол, Кобрин негромко произнес, поочередно взглянув в глаза каждому из пятерых:

– Мужики, хочу, чтобы вы поняли, войны именно так и начинаются. Именно так – и никак иначе! Когда вас будят среди ночи, с похмелья или выдергивая из объятий любимой женщины, и дают один час на все про все. Один сраный час, мать его! Шестьдесят долбанных минут! – не сдержавшись, он грохнул кулаком по столешнице. – Потому что через два здесь останется одно пепелище и куча обгорелых, разорванных в клочья трупов, которые были вашими бойцами, женами и невестами и которых вы не успели вовремя вывести из-под удара! Да, чтобы вы не сомневались, вот. – Кобрин потряс перед лейтенантами плотным конвертом со сломанными сургучными печатями, найденным в сейфе перед их приходом, – что находилось внутри, он и понятия не имел.

– Приказ из штаба полка пришел полчаса назад. Так что все точно... к сожалению. Свечим часы, товарищи командиры. Сейчас без четверти час, ровно без пятнадцати два я хочу видеть, как батальон покидает пэпэдэ. Любое промедление без объективной причины буду рассматривать как саботаж, вредительство и пособничество противнику. С этого момента действует закон военного времени со всеми вытекающими, вплоть до расстрела!

– А ежели машина, допустим, не заведется? – переспросил Паршин.

– Бросать к такой-то матери! Это касается любой неисправной техники и вооружения. Лишний груз с собой не тащить, ремонтировать будет некогда и негде. И некому. Только не вздумайте ничего поджигать, немцы мигом заметят.

– Так врагу ж достанется?!

– Вот пусть враг с этим барахлом и мучается, – хмуро буркнул капитан. Судя по всему, не убедил – пришлось рыкнуть: – Чего непонятно?! Вам что важнее, железяки сломанные или живые люди? Совсем охренели? Бегом отсюда, время пошло!

После ухода подчиненных Кобрин несколько минут просто сидел, собираясь с мыслями. Вроде все сделал правильно – ничего другого за два с небольшим часа до нападения уже не придумаешь, будь ты хоть трижды гением. Он не в силах ничего изменить стратегически, но вполне способен увести людей из-под первого удара, заодно нарушив первоначальные планы гитлеровцев. Сейчас под его командованием больше 700 человек, из которых реальных бойцов, обученных вести боевые действия, – примерно две трети. Больше десятка станковых пулеметов, девять 82-мм минометов и две легкие пушки. Много это или мало? Смотря для чего. Скажем так: для того что он задумал, достаточно. Наверное. По крайней мере, очень хотелось бы в это верить...

Ладно, хватит тормозить, есть чем заняться – вон хоть штабными документами. Самое важное упаковать в переносной сейф и забрать с собой, остальное уничтожить. Надымит сей-

час, несмотря на распахнутые окна... в принципе можно и без особого фанатизма, все равно после немецкого артралета здесь наверняка камня на камне не останется.

Сергей почти закончил возиться с документами – то, что оставлять было никак нельзя, он сжег в жестяной раковине, завоняв кабинет дымом, остальное просто изорвал, швыряя обрывки на пол, – когда дверь без стука распахнулась от сильного рывка со стороны коридора, и на пороге возник командир в форме младшего лейтенанта НКГБ. Судя по расстегнутой на груди гимнастерке, косо натянутой португее и зажатой в руке фуражке, неожиданный гость изо всех сил спешил добраться до штаба. Сергей мысленно хмыкнул: а вот и особист. Кстати, что-то долгонько он – Кобрин нисколько не сомневался, что среди ротных или взводных непременно найдется если не стукачок, то просто сомневающийся, который побежит искать контрразведчика или попытаться самостоятельно звонить вышестоящему начальству.

Правда, с вытянутым из постели ничего не понимающим телефонистом комбат успел переговорить лично, под угрозой расстрела запретив без его личного распоряжения производить любые звонки, а все входящие переводить на его номер (телефон в кабинете имелся).

Кобрин невольно ухмыльнулся, припомнив тот разговор:

– Сержант, ты все понял? С этой секунды ты никого и ни с кем без моей команды не соединяешь. Даже если особисту позвонит командующий корпусом... да хоть сам товарищ Берия, переводишь звонок на меня! Перед уходом обрезать все провода и разбить телефоны. Ты меня слышишь? – выдернув из кобуры пистолет, Сергей вдавил ствол в висок бледного, едва не теряющего от ужаса сознание телефониста. И рывкнул, приводя того в чувство: – Сержант! В глаза смотреть! Повторить приказ!

Кобрин прекрасно понимал, что его «зомбирования» надолго не хватит, но до выхода батальона из расположения телефонист скорее всего будет послушен. Поскольку только наивный и далекий от воинской службы человек может допустить, что до сержанта не дойдет его приказ «о начале войны» – скрыть подобное от связиста в армии абсолютно невозможно. Слухи о войне растекутся мгновенно. Просто, после того как последний красноармеец покинет ППД, все это уже не будет иметь никакого значения.

И вот, наконец, пожаловал и контрразведчик. Ну сейчас начнется...

Не ошибся, разумеется:

– Степаныч, ты чего, сука, творишь?! – от двери заорал тот, вваливаясь в кабинет. – Под трибунал захотел?! Так и я следом за тобой пойду! Что за самоуправство, зачем батальон среди ночи поднял? Паникером заделался?

– Сядь и отдышись, – поднявшись на ноги, Кобрин обошел стол и силой усадил особиста на ближайший стул. Тот молча повинился, шумно дыша и отирая тыльной стороной ладони взмокший лоб – видать, бежал откуда-то. – Сейчас объясню.

– Да уж постарайся... – бросив на стол фуражку, глухо буркнул тот, стараясь успокоить дыхание.

– Без четверти четыре утра немцы начнут артподготовку и массированные бомбардировки нашей территории. Затем они пересекут госграницу и начнется наземная часть операции. Это война. Та самая, которой мы все ждем, но отчего-то делаем вид, что ничего не знаем. Времени у нас почти не осталось. Вот я и делаю то, что обязан сделать, как боевой командир и ветеран, прошедший две войны: вывожу батальон из-под первого удара и спасаю жизни моих бойцов.

– Что за хрень?! – вскинулся особист, рывком дотянувшись до графина с водой. Несколько секунд он жадно пил, гулко «гылкая» и проливая на подбородок и грудь. Наконец, звякнув посудиною о столешницу, продолжил, чуть успокоившись: – Ваня, ты вообще хоть понимаешь, что делаешь? Ты что, приказ получил? Так ведь не было никакого приказа, я бы знал! А значит, что выходит? Самоуправство и паникерство выходит, если вовсе нечего похуже! Под трибунал же загремишь! Забыл, какое время на дворе? Забыл? Провокации едва

ли не ежедневно, фашист от нас только и ждет, что купимся, что поведемся на их задумку. Помнишь, что политрук постоянно говорил? Не поддаваться на провокации! И тут ты, боевой командир, как сам только что сказал, такое творишь...

– Хватит. – Кобрин хлопнул по столу ладонью, внезапно вспомнив имя особиста: Виктор. Младший лейтенант госбезопасности Виктор Зыкин. – Довольно, Витя. Все я прекрасно помню и знаю. Но сведения точные, примерно через два часа начнется война. Нравится тебе это или нет, но все именно так и обстоит. И мои ребята не погибнут спящими под немецкими бомбами, а окажут противнику достойное сопротивление! И, кстати, чего ты, собственно, боишься? Если немец нападет, сам понимаешь, победителей не судят, я буду всецело прав и все такое. Если же подвергся панике – так мне и отвечать. Ты ведь ни о чем не знал, верно? И ротные это подтвердят. Вали все на меня. Или даже так. – Расстегнув кобуру, Сергей грюкнул о стол пистолетом. Зыкин напрягся, но, заметив, что комбат тут же убрал от оружия руку, расслабился. – Пистолет видишь?

Особист, непонимающе нахмутив лоб, мрачно кивнул.

– Значит, имеешь полное право заявить, что пытался мне помешать, но я угрожал тебе личным оружием, не позволив этого сделать. – Кобрин убрал «ТТ» обратно.

– Ну ты и псих... – задумчиво протянул тот.

– Угу, мне это уже говорили, – усмехнулся капитан, припомнив сказанное в далеком будущем пилотом штурмового гравилета огневой поддержки. – Так что я в курсе.

– Что хоть за сведения? Откуда?

– Да какая тебе разница? – отмахнулся комбат. – Все равно ж не поверишь... и не проверишь. Знаю – и все тут. Точка. Слушай, Витя, давай так: если до четырех утра немцы не ударят, даю тебе слово командира и коммуниста, возвращаю батальон в пэпэдэ, сдаю оружие и добровольно иду под арест. И тут же пишу явку с повинной, можешь сам выбрать, кем мне быть – паникером, провокатором, вредителем или немецким шпионом. Да хоть застрелюсь, все меньше волокиты будет. Идет?

– Писец... – тоскливо протянул Зыкин. – Все равно мне теперь уже тоже не отмыться... Ладно, хрен с тобой, делай, как знаешь. Но я буду все время рядом с тобой, ясно?

– Договорились, – хмыкнул Кобрин. – И, кстати...

Он не договорил: в дверях появился ротный-три Куренок:

– Тарщ капитан, разрешите доложить... ой, здоровья желаю, товарищ младший лейтенант государственной безопасности...

– Короче, – рявкнул Кобрин.

– Батальон к маршу готов. Разрешите начать движение?

– Молодец, лейтенант, – одобрительно кивнул Сергей, бросив взгляд на наручные часы. – На десять минут раньше срока справились. Командуй, маршрут знаете. Вперед.

Покидая последним разгромленный кабинет, усеянный обрывками бумаги и носимым по полу невесомым пеплом, капитан Кобрин автоматически выключил свет. Просто по привычке...

Глава 3

22 июня 1941 года, 03.43 утра

Подсвечивая фонариком, Кобрин в последний раз сверился с картой, аккуратно сложил ее и убрал в полевую сумку. Что ж, вроде все правильно, ничего иного он бы все равно уже сделать не успел. Батальон занял позиции в нескольких километрах от границы, на южном фланге Сувалковского выступа, который прикрывал 86-й Августовский погранотряд.

В реальной истории, той самой, которую изучал перед переносом в прошлое Сергей, расположенная в Граево 5-я комендатура погранвойск НКВД, включающая в себя четыре погранзаставы – порядка двух сотен бойцов, – вступила в бой в первые минуты войны. На подавление застав гитлеровским командованием выделялось не более часа: планировалось, что с этой задачей справятся пехотные подразделения силами максимум до батальона при поддержке полевой артиллерии и минометов. Но планы противника оказались сразу же нарушены: несмотря на часовую артподготовку и серьезные потери, дрались пограничники мужественно и стойко. И даже когда подошли танки и бронетранспортеры с мотопехотой, они продолжали вести бой, уничтожая бронетехнику гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Тогда же плечом к плечу с пограничниками в бой вступили и подразделения 239-го стрелкового полка. И все же к восьми утра части полка вместе с уцелевшими бойцами 5-й комендатуры вынуждены были отступить, организованно отходя на восток. Поскольку обещанная комендантом района помощь в виде частей Красной Армии второго эшелона так и не подошла – да и не могла подойти, также оказавшись под ударами немецких бомбардировщиков.

И сейчас знающий, как все будет происходить, Кобрин решил подпереть пограничников с тыла, перекрыв шоссе на Осовец и далее – Белосток, благо болотистая местность вполне позволяла сделать это даже силами всего лишь одного батальона. Других дорог поблизости не было, а обойти пехотинцев с флангов гитлеровцы не могли, буквально в сотне метров от невысокой насыпи начинался болотистый лес – насыщенная влагой почва не выдержала бы не то что танк или бронетранспортер, но даже мотоцикл. Так что им оставалось двигаться только вперед по довольно узкому двухрядному шоссе.

Практически идеальное место для засады... если бы только в распоряжении комбата имелось больше противотанковых пушек, хоть одна полноценная батарея! На замаскированную неподалеку от обочины артпозицию Сергей особенно не надеялся: хорошо если успеют поджечь пару-тройку танков или БТР. Именно поэтому основной задачей артиллеристов было запереть колонну вражеской техники в огненном мешке, подбив головную и замыкающую (если позволит дистанция) бронемашину, и добавить паники, обстреляв осколочными гранатами транспорт с мотопехотой в середине. Гораздо больше надежд Сергей возлагал на пулеметную роту и минометчиков: все-таки дюжина станковых «максимов» – это сила. Не говоря уж про три взвода 82-мм минометов, стрелять которым предстояло с закрытых, не простреливаемых со стороны дороги позиций: места Кобрин выбирал лично. И маскировку тоже контролировал лично – в том, что противник, всерьез получив по морде, вызовет авиаподдержку, он практически не сомневался. В общем, если все пойдет, как он планировал, есть весьма неплохой шанс устроить фрицам – к месту вспомнилось пришедшее из глубины веков прозвище – горячий прием. А там и погранцы подойдут, ударив по немцам с фланга, – не зря ж он именно здесь позицию выбрал. Местность они знают как свои пять пальцев, налегке без проблем пройдут между болотами.

Ровно в три часа утра он вызвал по открытому каналу связи Августовский погранотряд – раньше не стал принципиально, поскольку понимал, что ему все равно не поверят. А вот со

штабом полка и дивизии связаться так и не удалось, хотя до Суховоля радиостанции должны были «добивать» без проблем: связь, с точки зрения Кобрина, в этом времени оказалась просто ужасной. Пограницы же, как ни странно, ответили сразу. Представившись, Кобрин озвучил наспех придуманную версию событий: его бойцами ликвидирована крупная диверсионная группа противника из состава полка спецназначения «Брандербург-800», одетая в форму бойцов РККА и переброшенная на нашу территорию для совершения диверсий. В ходе экспресс-допроса получена не подлежащая сомнению информация о начале полномасштабного вторжения между половиной четвертого и четырьмя утра.

Поскольку после этих слов комендант района, мягко говоря, выразил сомнения в достоверности сведений, напомнив о непрекращающихся провокациях и множестве перебежчиков, уже месяц обещавших начало войны, Сергей озвучил вторую часть заранее продуманного разговора: «Мол, если не веришь, майор, так у тебя еще целых полчаса до появления в небе немецких бомбардировщиков. А вот когда они пролетят, останется еще столько же, чтобы объявить боевую тревогу, вывести людей из казарм и занять огневые точки укрепрайона. Дальше, мол, поступай, как считаешь нужным, он, комбат Минаев, сделал все что мог. Вот только, когда поверишь, когда увидишь над головой бомберы, постарайся предупредить всех, с кем имеешь связь. Особенно Брестский погранотряд и штаб корпуса. И еще, отступить следует вот в этом направлении, когда мы немцев тормознем, ударишь всеми оставшимися силами и средствами с фланга, поскольку со стороны болотины противник вас никак ждать не будет, а нам поможет. Дальше уходить станем вместе».

И первым разорвал связь – говорить больше было не о чем. Не выслушивать же, что они, мол, отступить не собираются, и он им ни разу не указ...

– Без семнадцати, – бросив взгляд на запястье, бесцветным голосом сообщил Зыкин, зябко передернув плечами: в овражке, где капитан разместил свой КП, несмотря на июнь, было весьма прохладно. Утренний туман вошел в самую силу, скрывая от взгляда расположенные даже в десятке метров кусты, со стороны недалекого болота несло сыростью, над ухом нудно звенели комары. – Ну, и где они?

– Не переживай, будут точно в срок, – иронично хмыкнул Сергей, прихлопывая на щеке очередного кровососа. – Немец – он существо педантичное и к точности с детства приученное, и хотел бы – не опоздал. О, да вон оно, собственно, и начинается. – Кобрин дернул головой. – Слышишь?

– Слышу... – мертвенным голосом прошептал особист, внезапно сухо закашлявшись от волнения. – Неужели правда?!

– Увы, я ж тебе говорил. Ты в небо гляди, а то вдруг самое интересное пропустишь. – Комбат длинно сплюнул под ноги. – Старшим по званию товарищам, Витя, верить нужно, вот что!

А с запада, со стороны границы неумолимой волной накатывался, с каждой секундой становясь все сильнее, гуще, воющий звук сотен авиационных моторов. Меньше чем через минуту над головой прошли первые девятки двухмоторных бомбардировщиков, кажущихся на фоне светлеющего неба абсолютно черными.

Кобрин бросил на Зыкина быстрый взгляд: задрал голову, контрразведчик беззвучно шевелил губами, видимо, считая самолеты. Сжимающие шейку приклада пистолета-пулемета пальцы младшего лейтенанта побелели от напряжения. Ну, вот и поверил...

– Сколько же их... – ошарашенно прошептал Зыков, взглянув на комбата полубезумным взглядом. – Значит... и на самом деле война?!

– Нет, Витя, это они просто полетать вышли, утренняя прогулка у них, да с дороги случайно сбились, – и неожиданно рявкнул, решив, что сейчас – самое время: – А ну, приди в себя! К бою, лейтенант! Ты красный командир или барышня кисейная? – Откуда пришло в

голову подобное сравнение, Кобрин так и не понял, похоже, из памяти реципиента. – У нас тут, между прочим, типа война началась, если не заметил! И хватит автомат мацать, отломишь приклад, как стрелять станешь? Ну, пришел в себя?

– Так точно, – отчего-то по-уставному сообщил Зыкин, с трудом разжимая сведенные судорогой пальцы. – Простите, товарищ капитан, за недоверие... извини, Степаныч! Но откуда ты все-таки знал?

– Потом расскажу, сейчас некогда, – пожал тот плечами. – Да не дергайся ты, сейчас артналет начнется, так что у нас еще больше часа. Пойдем по позициям пробежимся, бойцов подбодрим, маскировку проверим. Хватит комаров кормить...

В этот момент подал голос связист, устроившийся со своей радиостанцией в нескольких метрах от командиров:

– Товарищ капитан, тут вас это, Гродно вызывает, штаб корпуса. Генерал-майор Егоров на связи.

– Проснулись, – мрачно буркнул Кобрин, переглянувшись с особистом. – Самое время... ладно, давай поговорим.

Приняв из рук радиста наушники и непривычного вида тангенту, Сергей зажал клавишу и ответил:

– Командир батальона 239-го стрелкового полка капитан Минаев слушает.

– Ты чего там учудил, капитан?! Что за самоуправство?! – заорал наушник раздраженным голосом комкора. – Почему батальон без приказа покинул расположение? Почему мне об этом сообщают из погранотряда? Почему ни комдив, ни комполка не в курсе твоего самоуправления? Какая еще война сегодня утром?! Под трибунал захотел, провокатор хренов?!

– А вы на улицу выйдите, товарищ генерал-майор, да в небо поглядите. Там вам и ответ будет. И мой вам совет, отдайте приказ на немедленный выход всех подразделений корпуса из пэпэдэ по боевой тревоге. Немедленно! Хотя, пожалуй, поздно уже.

– Ты что себе позволяешь, щенок?! – ахнул прижатый к уху наушник. – Да я тебя в пыль, в порошок, под расстрел...

И в этот момент раздались первые гулкие удары артиллерийских разрывов, приглушенные расстоянием и туманом. Первый, второй... восьмой. Спустя несколько секунд грохотало по всему фронту – и со стороны госграницы, и в направлении Граева и Августова; десятки и сотни взрывов мгновенно слились в монотонный рокошующий гул артподготовки. Утреннее небо с несколькими пушистыми облачками подсветилось тысячами коротких всполохов. Вот и все, началось...

С напряженным лицом слушавший разговор Зыкин вздрогнул, автоматически бросив взгляд на наручные часы. Стрелки показывали ровно четыре утра.

– Слышите, Евгений Арсентьевич? – припомнив имя-отчество генерал-майора (а заодно и его дальнейшую незавидную судьбу, закончившуюся расстрельной стенкой в пятидесятом году), переспросил Кобрин внезапно замолчавшего комкора. И, не дождавшись ответа, зло закончил: – Генерал, мать твою, это война! ВОЙНА! И она УЖЕ началась! Отдай приказ вывести людей! Может, хоть кого-то спасешь. Распорядись начать немедленную эвакуацию гражданских в тыл! Конец связи.

Впихнув в дрожащие руки окончательно обалдевшего от услышанного радиста наушники и микрофон, Кобрин затейливо выругался. Немного успокоившись, тронул за плечо особиста, напряженно глядящего в сторону Граева, над пригородом которого уже встало могучее зарево, ежесекундно подсвечиваемое вспышкой очередного взрыва:

– Ты все верно понял, Витя, в аккурат по нашему пэпэдэ лупят. И по всем остальным разведанным целям, на всю глубину, куда гаубицы достают. А дальше уж бомбардировщики работают. У пограничников сейчас и вовсе ад, по ним в первую очередь долбанули. Надеюсь, они все-таки успели уйти и занять укрепления.

– Ровно в четыре начали... – ни к кому конкретно не обращаясь, хрипло прошептал контрразведчик. – Ровно в четыре... В точности, как ты и предупреждал...

Похоже, именно факт выверенного до минуты начала артподготовки поразил Зыкина больше всего.

– Ну, так говорил же тебе, немец – существо педантичное, обещал в четыре – значит, в четыре, получите и распишитесь. Все, Витя, соберись, нам теперь долгонько расслабляться не придется. И вот что, товарищ младший лейтенант, пошли-ка к бойцам, как бы паники не возникло. Личный состав у нас в основной массе необстрелянный, нервы у всех на пределе, а нам еще воевать и воевать. Года, я так меркую, три-четыре, не меньше.

Зыкин бросил на него быстрый взгляд, хотел было что-то спросить, но отчего-то передумал, понуро опустив голову.

* * *

По позициям батальона Кобрин с мамлеем бродили почти час: Сергей разговаривал с бойцами, много шутил и балагурил, в то же время постоянно придираясь к глубине наспех открытых стрелковых ячеек и пулеметных позиций, оформлению противопульных брустверов и качеству их маскировки. Несмотря на то что с этими парнями его разделяло больше двух веков, он прекрасно понимал, что главное сейчас – не дать им погрузиться в пространные размышления о тех событиях, что происходили в нескольких километрах; не допустить, чтобы они испугались и запаниковали по-настоящему. Солдат во все времена должен быть по максимуму занят делом, простым и понятным, будь то копанье окопа, чистка оружия или снаряжение пулеметных лент. Думать положено командиру; подчиненный же должен быть всецело уверен в его правоте. Все остальное лишь мешает делу.

Самое интересное, бойцы это, похоже, если и не понимали, то наверняка ощущали на неком подсознательном уровне. И без споров и косых взглядов на строгого «батю» брались за малые пехотные лопатки, все глубже вгрызаясь в податливую белорусскую землю, углубляя стрелковые ячейки, вырубая в стенках ступеньки и ниши для боеприпасов и отсыпая положенные уставом брустверы.

Дольше всего капитан задержался у минометчиков, на которых возлагал основную надежду: девять «БМ-37» – конечно, не полноценная артбатарея, но все равно более чем серьезная сила. Во время подготовки к прохождению «Тренажера» его учили, что миномет в этом времени по боевой эффективности приблизительно приравнялся к артиллерийскому орудью равноценного калибра, а по осколочному воздействию на противника порой и превосходил его. Да и бронетехнике не поздоровится, коль наводчик ухитрится уложить трехкилограммовый подарок прямо в верхний броневой лист башни или моторный отсек. Ознакомившись с составленными командирами расчетов огневыми карточками и проверив нарезанные ими сектора обстрела, Кобрин остался доволен. А заодно заслужил уважение артиллеристов, когда напомнил, что при стрельбе с рыхлой и влажной почвы ствол имеет особенность несколько перемещаться назад за счет уплотнения грунта под опорной плитой, и после нескольких выстрелов необходимо корректировать прицел. По-хорошему стоило провести пристрелку, благо вокруг было достаточно шумно, и вряд ли кто обратил бы внимание на полдесятка непонятных взрывов, но Сергей не рискнул, опасаясь рассекретить позиции. Вдруг по закону подлости именно тут окажется какая-нибудь РДГ из состава помянутого им в разговоре с погранцами «Бранденбурга» – и все труды насмарку. И засаду засветит, и людей потеряет. К слову, разведгруппа вовсе не обязательно будет именно из «Бранденбурга»: в эти дни в нашем тылу кого только не было, и абверовские разведчики, и спецподразделения СС, и... да мало ли.

К тому времени, когда комбат, закончив «инспекцию», вернулся на КП, над головой завывали моторы возвращающихся на аэродромы для дозаправки и пополнения боекомплекта бомбардировщиков, идущих теперь в обратном направлении – на запад. Проводив взглядом самолеты, на серо-голубых плоскостях которых теперь четко просматривались подсвеченные встающим солнцем бело-черные кресты, Сергей лишь сдавленно выматерился: возвращались бомберы почти в полном составе. Похоже, историки прошлого, на чьи труды ссылались преподаватели академии, не врали – серьезного противодействия люфтваффе в первые дни войны не оказали ни ПВО, ни истребительная авиация. А он-то, был период, сомневался, искренне веря, что фотографии разгромленных на рассвете аэродромов, заставленных остовами сгоревших «Ишачков» и «Чаек», – единичные случаи и случайный успех немецких асов. Оказалось, нет. К сожалению...

Покосившись на глядящего в небо комбата, зло играющего желваками, Зыкин неуверенно сообщил:

– Ну, ты это, Степаныч... не психуй, что ли. Застали врасплох, всякое бывает. Сейчас наши летуны в себя придут, взлетят, да и вломят этим сукам по первое число. Сталинские соколы, все дела.

Взглянув на особиста, Кобрин невесело усмехнулся:

– Неа, Витя, не вломят, точно тебе говорю. Горят наши соколы на аэродромах, поскольку их никто не предупредил. Так и сидели до последнего, на провокации, блин, не поддаваясь.

– Как горят? – закаменел лицом мамлей.

– Жарко, Витя, горят, жарко, мать его! Как авиационный бензин с перкалью и прочим дюралем горит.

– Быть того не может!

– Может, – хмуро буркнул капитан, опуская голову. – Еще как может.

– Но...

– Все, товарищ младший лейтенант, закончили! – отрезал комбат. – Так что заткнись. И за бойцами следи, любые разговоры не по делу или панику там – пресекай, и жестко. Сейчас упаднические мысли страшнее немецких снарядов. Это приказ. Договорились?

– Так точно, товарищ командир батальона, – не остался в долгу особист, поддернув на плече ремень пистолета-пулемета. – А сейчас-то что делать, Степаныч?

– Ждать. Сидеть тише травы, ниже воды и ждать. Не думаю, что пограницы фрицев больше двух часов сдерживать смогут, так что дальше уж наша работа начнется. А подготовились мы что надо, все должно грамотно срастись. Заставим сук юшкой умыться.

– А потом? – поразмыслив несколько секунд, задал Зыкин новый вопрос: – Будем держаться, сколько сумеем? Ждать помощи? Так ведь она может и завтра подойти, продержимся ли?

– Не будет никакой помощи, – негромко, чтобы не расслышал радист, ответил Сергей. Обернувшись к товарищу и взглянув ему в глаза, жестко проговорил, поскольку давно уяснил для себя, что правильно и, главное, вовремя сказанное командиром, не вызвав отторжения, навечно отложится в памяти подчиненного: – Витя, учишь анализировать и делать трезвые выводы, тебе еще Берлин брать! После такой артподготовки и бомбежки расположения наших войск на несколько десятков километров, а то и дальше перемешаны с землей. Вместе с ангарами с техникой, транспортом, складами боеприпасов, ГСМ, продуктов. Наверняка под удар попали и штабы, просто не могли не попасть. Там, в нашем тылу, на который ты так надеешься, – Кобрин мотнул головой в сторону востока, – сейчас полный хаос. Неразбериха. Тысячи погибших и раненых. Горящие города и воинские части. Разбомбленные железнодорожные пути и автодороги. Кстати, со связью тоже огромные проблемы – и диверсанты подсустились, и бомбардировщики. Это тебе понятно?

Шумно сглотнув, Зыкин молча кивнул.

– Потому и говорю – помощи не будет. Остановим немцев,ждемся пограничников, наверняка ж кто-то уцелел, и отступим. Организованно и без паники.

– Без приказа?! – ахнул особист.

Кобрин ухмыльнулся:

– Ну, вообще-то – и ты, так уж выходит, прямой тому свидетель, – мне вообще никто и никакого приказа не отдавал. От слова «совсем». И даже наоборот, это именно я отдал ЕДИНСТВЕННЫЙ за сегодняшнее утро приказ вывести батальон, чем спас его от гибели. – Он зло мотнул головой в сторону пылающего Граева. – Вон оттуда, Витя. Где сейчас догорают наши казармы и склады. Так что, хочешь ты того или нет, но и приказ на отступление тоже отдам я. Или ты, если меня не станет, или кто-то из ротных. Это понятно?

Особист неопределенно пожал плечами: не то согласился, не то наоборот. Второе более вероятно.

– Ладно, лейтенант, довольно болтовни. Терпеть не могу с умным видом воду из пустого в порожнее переливать!

Произнеся крайнюю фразу, Кобрин мысленно рассмеялся: в своем времени он подобным образом никогда не говорил, видать, снова память Минаева вмешалась!

– Вот когда окоротим немца, тогда и продолжим наш спор. Если захочешь. А пока попробуй вон с пограничниками связаться. Постарайся выяснить, что у них там вообще происходит и как скоро нам гостей ждать.

Немцы появились спустя почти три с половиной часа. За время вынужденного безделья дважды связывались с Августовским погранотрядом – во время второго сеанса связь внезапно прервалась, и больше на запросы уже никто не отвечал, а в радиэфире царил самый настоящий хаос. Над головой постоянно проходили сменяющимися друг друга волнами бомбардировщики, а около шести утра над позицией батальона пролетел разведчик. Появление авианаблюдателя заставило Кобрину слегка напрячься – зря, как выяснилось. Небольшой самолетик, поблескивая остеклением кабины, прошел своим курсом куда-то на восток, определенно не подозревая, что в километре под ним затаились, с опаской поглядывая в небо, советские бойцы.

Часов в семь в небе неожиданно затарахтели пулеметные очереди – неведь откуда появившееся звено краснозвездных «И-16» атаковало возвращавшиеся для дозаправки бомберы. Ничем хорошим самоубийственная атака не закончилась: «ястребкам» удалось повредить двигатель одному из бомбовозов, после чего сверху спикировали «Vf-109» прикрытия, в течение пары минут снеся с небосклона всех троих. Выброситься с парашютом удалось только одному из пилотов, но до спасительной земли он не добрался: ринувшийся следом «мессер» расстрелял повисшую под куполом беспомощную фигурку.

Примерно в половине восьмого на позицию батальона вышел старшина-пограничник в потемневшей от воды форме: пробирался напрямик, через болото. Боец сообщил, что уцелевшие части 5-й комендатуры вынуждены отступить на Граево под напором превосходящих сил противника. А его послали, чтобы проверить переданную утром по радио информацию о подготовленной батальоном засаде и, если сведения подтвердятся, скоординировать совместные действия. Напоив погранца горячим чаем с водкой, Кобрин расстелил перед ним потрепанную трехверстку, вкратце проинструктировав, что следует делать. Защитников границы уцелело порядочно, около сотни, большинство из них были вооружены автоматическими винтовками, имелось и несколько «ДП-27», так что немцев в самом скором будущем ждал весьма неприятный сюрприз. Обговорив условные сигналы, слегка обсохший и согретый старшина двинулся в обратном направлении. Радиостанции у «союзников» не имелось, так что сигнал к атаке предполагалось подать ракетами.

А затем, уже около восьми утра, появились немцы. Длиннющая колонна техники неспешно втянулась на простреливаемый на добрых полтора километра участок дороги. Пер-

выми в качестве передового дозора тархтели мотоциклисты и пара легких бронетранспортеров сопровождения, в полукилометре следом двигалась, растягивая за собой многосотметровый пыльный хвост, основная колонна наступающих войск. С дистанцией между отдельными боевыми машинами гитлеровцы особенно не заморачивались, выдерживая минимально возможную – видимо, торопились наверстать потраченное на бой с пограничниками время. Последнее порадовало наблюдавшего за происходящим в бинокль Кобриня особо: когда начнется бой, это сыграет с немцами злую шутку, лишив водителей возможности серьезного маневра, что неминуемо приведет к неслабому затору. Да и минометчикам будет раздолье, у 82-мм мин радиус сплошного осколочного поражения больше полусотни метров, можно будет одним разрывом накрывать по две-три легкобронированные цели.

Автоматически – мысли уже были заняты предстоящим боем – проверив маркировку патрона в казеннике сигнального пистолета, комбат взвел курок и поднял ствол в зенит. Взглянул на застывшего статуей Зыкина, напряженно сжимающего в руках автомат, ободряюще подмигнув особисту. Глубоко вздохнул – ну, вот и все, сейчас произойдет то, ради чего он перенесся на два с лишним столетия назад – и нажал на спуск.

В небе над дорогой с легким хлопком вспыхнула ракета одиночного зеленого огня. И спустя несколько секунд почти одновременно выстрелили обе «сорокапятки», наводчики которых, как и было уговорено, заранее разобрали цели.

Глава 4

Шоссе Граево – Осовец – Белосток, 22 июня 1941 года, около 8 часов утра

Несмотря на то что до этого времени противотанкисты стреляли исключительно на полигоне по неподвижным мишеням, залп вышел на удивление удачным. Идущий в авангарде танк с желтым тактическим номером «R02» на башне, что означало принадлежность заместителю командира полка, внезапно вздрогнул, получив в борт болванку, развернулся поперек дороги и заглох, дымя разбитым двигателем. Торчащий по пояс из башенного люка танкист в приплюснутой наушниками пилотке и пылезащитных очках – не захотел париться в душном боевом отделении, за что и поплатился, – рванулся было наружу, однако выбраться из башни не успел. Бронебойный снаряд повредил баки, и танк мгновенно превратился в ревуший огненный факел. Идущая следом бронемашина, угловатая «четверка» с белым трафаретным крестом на борту, резко отвернула в сторону, уходя от столкновения, – и застыла, съехав левой гусеницей на осыпавшийся под двадцатитонным весом откос. Особой опасности, что танк перевернется, не было, но мехвод от неожиданности запаниковал, попытался перекинуть передачу и сдать назад и благополучно заглох. Одновременно примерно в полукилометре, в районе «хвоста» колонны, гулко бахнуло, и еще один из танков окутался пламенем. Этому болванка, проломив борт, угодила прямоком в боеукладку – в бинокль Кобрин видел, как подпрыгнула на погоне башня. Вышибленные ударной волной люки подбросило высоко в воздух; башня же, тяжело плюхнувшись обратно, медленно сползла вниз, уткнувшись в укатанную гусеницами и колесами землю куцым обрубком 75-мм пушки. Все, огневой мешок замкнут. Конечно, насчет «хвоста» колонны он погорячился, следом за подбитым панцером шли еще несколько танков и почти два десятка бронетранспортеров и грузовиков, сейчас торопливо сбрасывающих скорость и тормозящих вдоль обочин. Но на большей дистанции «сорокапятка» уже была бессильна против танковой брони.

И в этот момент со стороны обеих обочин слаженно ударили пулеметы и винтовки бойцов батальона. Все-таки здорово, что в начале весны полк успели перевооружить, больше чем на две трети заменив устаревшие «трехлинейки» самозарядными «СВТ»! По самым скромным прикидкам, это увеличило огневую мощь батальона и плотность огня раза в три. Звонко хлопнули перезарядившиеся пушки: первая спалила сдающую задом приземистую самоходку, удачно подставившую корму, другая разбила гусеницу еще одному танку, утыканной заклепками легкой «Праге» чешского производства. Танк шустро крутанулся на месте, и не успевший вовремя среагировать мехвод развернул боевую машину почти на 180 градусов, прежде чем догадался заглушить двигатель, и в его лобовую броню врезался полугусеничный бронетранспортер, водила которого, судя по всему, просто не ожидал от камрада подобного маневра. Кобрин удовлетворенно хмыкнул: ну так сами виноваты, недаром же в уставе четко прописана минимальная дистанция между машинами при движении воинской колонны в походном строю!

А еще пару секунд спустя захлопали, пристреливаясь, минометы. Первые несколько мин вполне ожидаемо легли с недолетом и перелетом, но затем наводчики внесли поправки, учтя «вилку», и вторая серия осколочных подарков разорвалась уже на дороге. Очень даже удачно разорвалась: четыре мины рванули с полным накрытием, буквально в клочья разнеся пару грузовиков с пехотой, развалив корпус полугусеничного броневики и повредив двигатель одному из легких танков. Ну что значит, повредив: решетки МТО вывернуло наизнанку и раскидало в стороны, а из развороченной кормы рванулся вверх огненно-дымный фонтан вспыхнувшего

бензина. Остальные полдесятка мин выбросили роскошные дымно-пыльные фонтаны как на шоссе, так и по обочинам, собирая осколками кровавую жатву и добавляя паники.

И только в этот момент гитлеровцы, наконец, в полной мере осознали, что происходит нечто весьма и весьма неожиданное и страшное, определенно идущее сильно вразрез с планами быстрой победы «малой кровью и на чужой земле», как пелось в большевистской пропагандистской песне. А проклятые русские минометчики, стреляющие не пойми откуда, вошли во вкус, и над затянутой дымом и пылью дорогой повис заунывный вой падающих каждые пару секунд мин, прерываемый лишь стрекотом пулеметов, винтовочными выстрелами и резкими хлопками противотанковых орудий.

Парочка танков и броневиков сползла-таки с насыпи, попытавшись обойти затор низом, ударив во фланг русской артбатареи, – и вполне ожидаемо завязла в просевшей под гусеницами и колесами насыщенной влагой почве, внешне кажущейся невинной изумрудной лужайкой. Несколько десятков секунд механики-водители тщетно месили разлетающуюся из-под ходовой грязь, пытаясь вырваться из неожиданной ловушки, но лишь все глубже усаживали тяжелые машины на брюхо. А затем кто-то из наблюдателей минометной роты заметил новую цель, и сверху посыпались мины. Две боевые машины подбили почти сразу – бронетранспортер полыхнул, словно загодя облитый бензином, а танк получил мину в крышу башни. Загореться он, правда, не загорелся, но наружу так никто и не вылез – Кобрин примерно представлял, что сделал с экипажем мощнейший акустический удар и избыточное давление. По двум остальным целям минометчики смазали, но рванувшие буквально в нескольких метрах мины оказались весьма неприятным сюрпризом для экипажей: комбат видел, как выкрашенный темно-серой краской борт бронетранспортера мгновенно покрылся десятком рваных пробоин. У танка, пусть и легкого, броня оказалась потолще, но ворочать башней, как до того, он отчего-то перестал – то ли заклинило залетевшим под погон осколком, то ли еще что. На войне всякое бывает, в том числе и такое, что в мирное время кажется просто невероятным.

Злорадно ухмыльнувшись, Сергей опустил бинокль. Ну, что сказать? В одном он точно оказался прав – когда решил устроить засаду именно здесь, на узком и длинном участке дороги, с обеих сторон зажатом редким болотистым лесом. Да и распорядившись взять с собой как можно больше боеприпасов – тоже. Так что зря пехотинцы матерились, в очередной раз выталкивая из промоины застрявший перегруженный грузовик: пригодилось. Вон как ребята наловчились: когда первая мина взрывается, вторая уже в полете, а третью заряжающий в ствол пихает! Главное, чтобы не долбили подолгу по одному квадрату, а вовремя переносили огонь вдоль дороги, накрывая противника на всем протяжении, как он ротному настоятельно и советовал. Молодец он? Вроде бы да, вроде бы молодец, конечно, но вот как оно дальше будет? Бой-то пока и пяти минут еще не идет...

И все-таки следовало признать, что с выучкой и боевым слаживанием у гитлеровцев все обстояло отлично. Как и со способностью командиров давить панику среди низших чинов в зародыше и принимать решения в условиях жесткого цейтнота. Недаром же пол-Европы прошагали с минимальными потерями и в нехилом темпе, угу. Потеряв с два десятка танков, бэтээров и грузовиков (о потерях живой силы Сергей мог только догадываться, хоть и видел, что потери эти весьма впечатляют, как бы не сотни полторы рыл за несколько минут боя, если не больше), фрицы рассредоточились, занимая боевой порядок. Сыпанули из кузовов и десантных отсеков БТР пехотинцы, отбегая подальше от дороги и залегая. Загрохотали сразу несколько пулеметов – пока неприцельно, но вот именно что пока. Запертые в узком дефиле между топкими обочинами танки развернулись в сторону демаскировавшей себя противотанковой батареи, несколькими залпами перемешав с землей обе артпозиции.

Вот только пушек там уже не было: как и планировалось, произведя по четыре выстрела на ствол, артиллеристы вручную выкатили «сорокапятки» из капониров и в считанные минуты заняли заранее подготовленную запасную позицию, где находился основной запас снарядов.

Два новых выстрела – и еще пара дымных столбов над дорогой. К сожалению, к подобному гитлеровцы тоже оказались готовы, и одно из орудий почти сразу скрылось в огненном всполохе мощного взрыва – похоже, попали прямо в ящики с боеприпасами. Зато второе удалось под обстрелом откатить под деревья, выводя из боя, как и инструктировал комбат. Все, артиллерии у них больше нет. Впрочем, противотанкисты и без того сделали практически невозможное, записав на свой личный счет семь уничтоженных или поврежденных бронемашин. Жаль только, что пострелять осколочными гранатами по затянутой пылью и дымом колонне им уже не дали.

За погибших товарищей сполна отомстили минометчики, с завидным постоянством продолжавшие засыпать дорогу и обочины осколочными подарками. С определенного момента Сергей даже перестал считать успешные попадания, лишь самым краешком сознания отмечая очередной поднявшийся над шоссе дымный столб полыхнувшего бензина или излишне мощный для попадания 82-мм мины взрыв – похоже, часть грузовиков оказалась загружена боеприпасами, особенно те, что тащили за собой противотанковые пушки. Одно радовало: его расчет оказался точным, и минометная рота по эффективности оказалась ничуть не хуже полноценной артбатареи.

Нащупать минометчиков немцам так и не удалось: да и как бы они сумели обнаружить и подавить укрытые за складками местности позиции? Миномет – не пушка, дымом выстрела себя практически не демаскирует. Да и стреляющих навесом гаубиц у фрицев не имелось – да и не успели развернуть, – а до вызова авиаподдержки пока, к счастью, не дошло. Потому кто-то из гитлеровских командиров отдал приказ бить по замеченным позициям батальона, подавляя пулеметы и выбивая живую силу. Над реденькой цепью стрелковых ячеек все чаще и чаще стали подниматься пыльные кусты разрывов, пока еще пристрелочных. И это было плохо, очень плохо. Пришло время принимать решение – продолжать сдерживать немцев или отступить? В тылу пока чисто, передовой дозор перебили в первые секунды боя – раздолбанные мотоциклы валяются под насыпью метрах в трехстах отсюда, оба бронетранспортера жарко полыхают, пятая утреннее июньское небо чадным бензиновым дымом из раскуроченных баков.

Да, пожалуй, хорошего понемногу, однозначно пора уходить. Главное людей сберечь, тем более преследования можно особенно не опасаться: фрицам понадобится не меньше часа, чтобы дорогу от горелой и битой техники расчистить. И уходить нужно быстро, пока не прилетели «Юнкерсы»: никаких сомнений в том, что рано или поздно (скорее рано) они вызовут авиаподдержку, Кобрин не испытывал. Излюбленная же тактика, прекрасно зарекомендовавшая себя в Польше. Хотя, с другой стороны, сейчас, в первые часы войны, фронтовая авиация практически в полном объеме занята бомбардировкой объектов, до которых не добивает артиллерия, так что, может, никто и не прилетит. Вот только выяснять, так ли это на самом деле, как-то не хочется. Один только вопрос: успели пограничники занять позицию, ударят ли с фланга, отвлекая немцев, как было договорено? И ведь не проверишь же!

Ладно, коль решил, то незачем и тянуть, каждая минута промедления – жизнь кого-то из его бойцов, за которых он отвечает лично. За каждого из которых! Лично отвечает! Да, прав был тот майор-психолог: это не виртуал, а отстреливающиеся в полузасыпанных близкими взрывами ячейках бойцы – вовсе не компьютерная симуляция, пусть и управляемая искусственным интеллектом. Они – живые. Настоящие. И потому – пора отступать, пока немцы не перекопали позиции снарядами.

Перезарядив сигнальный пистолет, комбат выстрелил тройной зеленой ракетой в направлении минометных позиций, подавая сигнал сворачиваться. Одновременно это была и команда батальону к отходу. Оставалось лишь надеяться, что ротные и проинструктированные ими взводные уцелели и помнят о том, что он настойчиво пытался вбить в их головы в последние часы перед войной. Ребят из минометного расчета, артиллеристов последней уцелевшей «сорокапятки» и пулеметный заслон, которые будут до последнего снаряда, мины и человека изоб-

ражать продолжающих ожесточенное сопротивление русских, конечно, безумно жаль, шансы выжить у них нулевые, но иначе никак. Нельзя просто так взять и снять с позиций семь сотен бойцов – немцы вмиг раскусят задумку и опять же вызовут бомбардировщики. От которых ни по полю, ни по дороге особо не побегаешь. А вот отвести батальон одновременно с атакой погранцов, да под прикрытием огня заслона – скорее всего получится.

Прикинув, что дал достаточно времени для сборов – в первую очередь это касалось минометчиков, перевести в походное положение пулемет куда проще, – Кобрин выпустил в направлении опушки еще одну ракету, подавая сигнал бойцам 5-й комендатуры. И с облегчением услышал заполосную ружейно-пулеметную стрельбу с левого фланга: пограничники не подвели, подошли вовремя.

И в эту минуту, наблюдая за пока еще редкими разрывами танковых снарядов между стрелковыми ячейками, Сергей неожиданно осознал, что его боевой опыт командира роты из далекого будущего не только помог, но и в какой-то мере сыграл с ним злую шутку. Это там, в его времени, даже неполный танковый взвод или пара РСЗО за считанные секунды перепахали бы позиции батальона, не оставив ничего, кроме изрытой на полметра вглубь и иссушенной чудовищным жаром земли. Здесь же можно было... ну, не то чтобы вовсе уж не торопиться, а, скажем так, эвакуировать личный состав без особой паники.

«Лопух ты, товарищ будущий полный полковник Генштаба, – неожиданно пришло в голову. – Будто бы и не сдавал полгода назад полковнику Иванову ту курсовую работу с расчетом количества осколочно-фугасных снарядов, необходимого для подавления обороны стрелковой роты и батальона, успевших возвести открытые земляные укрытия. Ту самую курсовую, в первой главе которой расписывал эффективность здешнего артвооружения в зависимости от калибра и типа боеприпаса. Хреново, прежние навыки нужно до поры запихнуть в самый дальний уголок памяти и жить реалиями этого времени. Вернее, воевать».

Впрочем, сейчас он в любом случае поступил правильно, осколки даже непрямо выпущенных снарядов порой находили свои цели, так что тянуть с эвакуацией не стоило.

Обернувшись к младшему лейтенанту, коротко распорядился:

– Витя, все помнишь? Тогда дуй вперед быстрее ветра и начинай уводить людей. Пришлешь мне Степцова, только живенько, живенько, в темпе вальса. Выполняй. Да, и вот еще что. Напомни ротным, о чем я говорил: чтобы всех погибших учли поименно и мне потом списки представили, ясно? Мои ребята пропавшими без вести числиться не будут! Выполняй.

– А ты? – Особист несколько нервно закинул на плечо автоматный ремень.

– А я вместе со связью следом, как договаривались, забыл? Не переживай, героическая гибель на поле боя в мои ближайшие планы пока не входит. А там поглядим. Да вперед же, Вить, не тормози, каждая секунда дорога!

Поглядев вслед мамлею, Сергей кивнул радисту:

– Вызывай штаб полка или дивизии, вдруг ответят... если, конечно, там еще есть кому отвечать...

Отступить и оторваться от противника на пару километров удалось практически без потерь: фрицы попросту не ожидали флангового удара, да еще и со стороны непроходимого, по их мнению, заболоченного леса. И когда от опушки внезапно ударили ручные пулеметы и самозарядные винтовки, немцы начали экстренную перегруппировку, намереваясь подавить новую опасность огнем танковых орудий и пулеметами. Но мокрые с головы до ног и оттого злые погранцы дожидаться этого, разумеется, не стали. И, подбадривая себя могучим «ура!», тремя группами пошли на прорыв. В считанные секунды бойцы 5-й комендатуры добрались до шоссе, но втянуть себя в рукопашную не позволили. Закидав немцев гранатами (и ухитрившись при этом спалить броневик и два грузовых автомобиля), они пересекли дорогу и под прикрытием огрызающегося огнем пехотного заслона рванули на восток, вслед за отступающим батальоном, примерно через километр благополучно догнав арьергард.

Немцы не преследовали. Если стреляющую от леса пушку, которую сумасшедшие русские ухитрились туда закатить по топкому бездорожью, удалось подавить почти сразу, то пулеметный расчет продержался дольше, почти 15 минут. А вот проклятый миномет продолжал кидаться минами больше получаса – пока высланные вперед штурмовые группы не обнаружили позицию в небольшом топком овражке, густо поросшем глушащим звук выстрелов кустарником. Минометчиков забросали гранатами, однако, когда на изрытое неглубокими воронками, чавкающее под ногами дно спустились первые боевые пары, двое притворившихся погибшими израненных русских бросились на них с пехотными лопатками. Бой оказался коротким, но стоил фрицам пятерых – последний артиллерист, уже получив в грудь две винтовочные пули, успел выдернуть чеку осколочной гранаты, которую все это время сжимал в окровавленной ладони...

Узнав о ликвидации тылового заслона, обер-лейтенант Густав Красс, принявший на себя командование механизированной группой после гибели замкомполка вместе с танком еще в первые минуты боя, лишь мрачно выругался. Если пехотное отделение ухитрилось потерять пятерых, сражаясь с двумя ранеными русскими, а их колонну чуть ли не на треть раздолбали всего-то две малокалиберные пушки и несколько минометов, то чего же ожидать дальше?!

Вызывать авиаподдержку Красс не стал: большевики, коль уж умеют настолько грамотно воевать, отнюдь не идиоты, чтобы отступать прямо по дороге, а пытаться накрыть их в этих лесах – никаких бомб не хватит. И вообще, это не его забота. Нужно оказать помощь раненым, собрать убитых, расчистить проход, безжалостно спихивая под откос поврежденную технику – дальше пусть у ремонтников голова болит, – и немедленно продолжать движение. Поскольку неожиданная засада и так нарушила все первоначальные планы, от которых они теперь отставали минимум на несколько часов. Это не считая весьма существенных потерь в технике и, главное, личном составе.

И все же, откуда эти унтерменши узнали?! Ведь до того большевики свято верили в союзнические обязательства и прочный нерушимый *Freundschaft* с рейхом и должны были прекратить свое никчемное существование еще во время утренней артподготовки, перемешавшей с землей все их сраные казармы вместе со складами оружия и боеприпасов. Так нет же, узнали откуда-то, да еще и весьма профессиональную засаду устроить ухитрились! Хотя... возможно, он все излишне драматизирует? Разведка докладывала, что в последние недели большевики частенько проводили всякие маневры или выезжали на стрельбы, вот их мехгруппа и напоролась на какую-то воинскую часть, возвращавшуюся из полевых лагерей в расположение. Русские увидели бомбардировщики, услышали канонаду в своем тылу, поняли, что произошло, – и успели окопаться. Да, наверняка все так и обстояло! Наверняка! Иного объяснения и быть не может!

Успокоенный последней мыслью – верить в то, что эта засада не единственная, не хотелось до одури и неприятных спазмов внизу живота, – обер-лейтенант закурил (руки прилично подрагивали) и двинулся к радиомобилю. Стоило связаться с командованием, сообщив о причине задержки и потерях. И помощи запросить, разумеется, одних только раненых больше сотни, не с собой же их везти?

* * *

Первый час комбат гнал батальон с предельно возможной скоростью, с одной стороны, отлично понимая, что сразу немцы в погоню не кинутся, поскольку намертво завязли на загроможденной битой и горячей техникой дороге, с другой – подсознательно ожидая от противника какой-нибудь подлянки. Скорее всего зря, конечно, – какая там еще на фиг подлянка? Он слишком подробно изучал историю Великой Отечественной, чтобы не понимать, что немец в июне 41-го весьма сильно отличается от немца образца 42-го и последующих годов. Сейчас,

в первый день войны, фрицам даже в голову не может прийти, что деморализованные неожиданным нападением и первыми потерями советские войска сумеют оказать хоть сколь-либо серьезное сопротивление. В самом скором времени им предстоит убедиться в обратном и все-речь умыться кровью, окончательно похоронив под Смоленском любые надежды на блицкриг, но это – в самом скором времени. Пока же на часах все еще утро 22 июня. Правда, пограничники уже успели серьезно поколебать эту уверенность, но пограничники – не линейные части РККА, и на самом деле сейчас едва приходящие в себя после часового арналета и многочисленных авиационных ударов.

И потому уцелевшие командиры наполовину разгромленной механизированной группы почти наверняка решат, что все произошедшее – не более чем досадная случайность. Если уже не решили. Мало ли что может случиться в первые часы войны? Например, мехгруппа случайно – конечно же, случайно! – наткнулась на возвращающееся из полевого лагеря подразделение, командир которого, увидев в утреннем небе первую волну бомбардировщиков, понял, что началась война, и решил оказать сопротивление. Или кто-то из комбатов, наплевав на запрет командования и угрозу попасть под трибунал, решился «поддаться на провокацию» сопредельной стороны и ночью самовольно вывел батальон из пункта постоянной дислокации. Размышляя подобным образом, Сергей даже не представлял, насколько точно он угадал недавние мысли обер-лейтенанта Красса.

Так что ожидать, что в ближайшее время за них возьмутся всерьез, вряд ли стоит. Пусть даже недолгий бой и стоил вермахту больше сотни жизней солдат рейха, двух десятков единиц уничтоженной техники (сгоревшие грузовики комбат в расчет не брал) и нехилых затрат на эвакуацию, лечение и последующую реабилитацию множества раненых. Но рисковать Кобрин, как бы оно ни обстояло, не собирался. Вот потому и гнал бойцов в максимальном темпе, уводя все дальше на восток.

Растянувшийся вдоль узкой лесной дороги, проходимой разве что для крестьянской телеги, батальон пер со вполне приличной скоростью, поначалу не ощущая усталости. Учитывая нагруженных минометчиков, несущих на плечах минимум по 20 кг, и сооруженные из нарубленных в лесу жердей и плащ-палаток носилки с ранеными, вполне нормально. Но самое главное, бойцы не ощущали того, что они именно ОТСТУПАЮТ: успевший повоевать, пусть и совсем в иное время, Сергей без труда читал на чумазах, покрытых пылью и грязными разводами лицах радость от недавней победы. В отличие от той, другой истории они пока еще не поняли, что произошла чудовищная катастрофа, что впереди четыре долгих года войны, оставаясь убежденными, что всезнающий «батя» просто меняет позицию. И это было хорошо: батальон не БРЕЛ, а именно что передислоцировался, и даже самый слабый и уставший боец выкладывался изо всех сил, чтобы не отстать от товарищей. Ухитряясь при этом еще и шутить, отвечая на беззлобные подначки более выносливых сослуживцев. Легкораненые шли наравне со всеми, разве что без дополнительного груза, только с сидорами и винтовками на плечах.

Отведя взгляд, Кобрин тяжело вздохнул, стараясь, чтобы этого не заметил шагающий рядом особист. Эх, знали б вы, ребята, что вам еще предстоит впереди! Впрочем... вот этого вам как раз знать и не нужно. Категорически не нужно. Поскольку всему свое время.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться? – раздался рядом, отвлекая комбата от невеселых мыслей, чуть запыхавшийся голос.

Повернув голову, Кобрин взглянул на нагнавшего его пограничника с лейтенантскими кубарями на зеленых петлицах. Голова под сползшей на затылок пыльной фуражкой была неумело перевязана посеребрившим от грязи бинтом с несколькими бурыми пятнами. На плече стволом вниз висела автоматическая винтовка «СВТ-40» с расщепленным пулей или осколком прикладом. Преисполненный усталости и с трудом сдерживаемой боли мутноватый взгляд погранца едва заметно «плавал» – похоже, контузия или сотрясение.

– Слушаю, лейтенант.

– Командир второй заставы 5-й комендатуры Августовского погранотряда лейтенант Авдеев, – представился тот, поддернув сползающий винтовочный ремень и коротко поморщившись от резкого движения.

– Капитан Минаев, – попросту ответил комбат, пожимая грязную ладонь лейтенанта. – Иваном звать. Seriously ранен?

– Андрей, – представился тот. – Да вроде нет, так, осколком зацепило, когда снаряд рядом ахнул. Контузило, правда, но сейчас уже полегче.

– Скоро привал будет, отдохнешь малость, – подбодрил Кобрин. – А как до своих дотопаем, в госпиталь тебе нужно, с контузией не шутят. Чего хотел-то?

– Так это, представиться да с вами познакомиться. Ну, то есть с тобой. После гибели старшего по званию принял командование сводным отрядом 5-й комендатуры. Со мной 73 бойца, все с оружием. Имею три исправных пулемета «ДП». Боеприпасов, правда, маловато, что оставалось, почти все на дороге пожгли.

– Вот и хорошо, Андрюха. – Кобрин легонько хлопнул лейтенанта по плечу. – Главное, сами живы, а патронами мы поделимся. Кстати, спасибо, вовремя вы немцев отвлекли, мы практически без потерь отошли. Ладно, позже поговорим.

Глава 5

22 июня 1941 года, несколькими часами позже

Обещанный привал Кобрин объявил только спустя два часа, когда бойцы начали заметно выдыхаться – хотел, пока были силы и не иссяк боевой кураж, увести батальон как можно дальше в тыл. Хотя, конечно, учитывая, какими темпами гитлеровцы развивали наступление, какой уж там тыл! Немец-то по дорогам прет, а танки и автомашины пешком никак не обгонишь, хоть бегом беги. Тут бы в окружении внезапно не оказаться. Но сейчас людям нужен отдых, а раненым – перевязка. Тем более от границы они удалились почти на десяток километров – не столь и плохо, учитывая обстоятельства.

Первым делом Сергей вызвал к себе троих уцелевших ротных: лейтенанты Куренок и Исаев погибли в бою. Зыкин с Авдеевым, разумеется, тоже присутствовали. Как и пока еще незнакомый Сергею командир санитарного взвода, немолодой военфельдшер с усталым лицом натурального фаталиста. По крайней мере, комбату так показалось – мог и ошибиться, возможно, просто устал человек. Санвзвод состоял всего из восьми человек, четырех фельдшеров и трех санинструкторов. Причем пятеро из них были хрупкими молоденькими девчонками. Учитывая, скольким раненым им сегодняшним утром пришлось оказать помощь под немецкими пулями и снарядами... тут и на самом деле фаталистом станешь. А вообще с «медициной» нужно будет отдельно переговорить, с глазу на глаз. Подобное лишним никогда не будет, проверено временем. Военфельдшер, хоть и приравнивается к армейскому лейтенанту, в сущности так и остается глубоко гражданским человеком. А таким на войне всегда тяжелее.

Дождавшись, пока командиры рассядутся на земле, Кобрин оглядел подчиненных. Лейтенант Степцов, ротный-раз, и минометчик Паршин оказались легкоранеными: у пехотинца перевязана голова, а командир минометной роты баюкал на груди подвешенную на перевязи из скрученного бинта руку. Остальные вышли из боя без ранений. Ну за исключением контуженного близким взрывом пограничника, конечно.

– Докладывайте, товарищи. Сначала командиры стрелковых рот, дальше артиллерия и медицина. Прежде всего меня интересуют потери – погибшие, раненые? Что с боеприпасами и оружием? Докладывать кратко, по существу. Списки всех погибших составить, не откладывая, и предоставить мне лично до конца привала. Всех – и поименно! Наши героически павшие товарищи не должны остаться пропавшими без вести ни при каких обстоятельствах! Это приказ, ясно? Вот и хорошо. Начинает командир первой роты лейтенант Степцов. Слушаю.

Кобрин прекрасно понимал, что лейтенанты вряд ли вспомнят всех погибших, но он слишком хорошо знал историю. Особенно ту ее часть, которая касалась десятков тысяч пропавших без вести в первые дни, недели и месяцы войны. И сейчас пытался сделать хоть что-то для этих ребят. Впрочем, возможно, и зря: получившие извещение со страшной, но все-таки неопределенной надписью «ваш сын (отец, муж, брат) пропал б/в», семьи многих из них не теряли надежды до самой Победы, порой находя в этой самой надежде смысл дальнейшего существования. Недаром ведь в древности говорили: «Надежда умирает последней». Но и иначе он просто не мог, и как командир, и как человек, пусть и имеющий к этому времени весьма далекое отношение. Не мог хотя бы просто потому, что его собственный прапрадед, лейтенант Федор Андреевич Кобрин, командир разведвзвода, пропал без вести в конце июня 41-го где-то примерно в этих краях. К сожалению, никакой более подробной информации семейная история не сохранила, и даже единый электронный банк данных Минобороны, к которому он получил полный доступ, став курсантом ВАСВ, ничем помочь не мог.

Помотав головой, Сергей отогнал несвоевременные мысли: сейчас он вовсе не в будущем, а в том самом героическом прошлом! И вокруг него – живые люди, его бойцы, а не бездушные скупые строки на мониторе, отображающие запрос в архив МО. И только от него зависит, как скоро в базе данных появится (или не появится) еще одна короткая безысходная надпись «погиб», «пропал б/в», «выбыл из состава»...

В целом из боя батальон вышел с минимальными потерями: не зря все утро в землю зарывались. Да и отступили вовремя, не позволив немцам перепахать позиции снарядами. Из доклада ротных выходило, что невосполнимые потери составили 49 человек, включая и тех, кто остался прикрывать отход, – по вполне понятным причинам, всех их тоже записали в погибшие. В число погибших попали и четверо взводных. А вот раненых, как ни странно, оказалось не столь много – около 30, тяжелых из которых всего восемь человек.

– Уже семеро, – тусклым голосом произнес военфельдшер, мельком взглянув на комбата. – Еще двое умрут в течение часа, снять болевой шок и восполнить кровопотерю мне в подобных условиях нечем. Остальным необходима госпитализация уровня медсанбата до исхода текущих суток, иначе тоже не жильцы. – И отвернулся, словно все происходящее его вовсе не касалось.

– Спасибо, товарищ военфельдшер, – поблагодарил Кобрин, не акцентируя внимания на столь явном нарушении субординации. – Вы пока свободны, ступайте к раненым, а чуть позже мы с вами обязательно поговорим.

– Добро, товарищи лейтенанты, продолжаем. Что с оружием и боеприпасами? Особое внимание прошу уделить исправности минометов и пулеметов. Слушаю.

С матчастью все оказалось даже лучше, чем ожидал Сергей, по извечной армейской привычке всегда предполагающий худшее (чтобы потом не пришлось разочаровываться): мин израсходовали примерно треть, стрелковых боеприпасов осталось значительно больше. Несмотря на то что пулеметчики не жалели патронов, отстрелять успели только по две полные ленты. Минометы – за исключением оставленного в заслоне – уцелели все восемь, «максимов» потеряли три штуки. Но, учитывая три принесенных пограничниками «ДП-27», потерю, можно так сказать, восполнили. Ручной пулемет – конечно, не полноценный станкач, пусть и морально устаревший к этому времени, но тоже неплохо, особенно в условиях маневренной атаки или засады. Тем более что патронов пока достаточно, каждый второй красноармеец по невскрытой цинке на плече тащит. Остальные перли ящики с минами. А вот с гранатами оказалось хуже всего: если раскинуть на всех имеющийся запас, получалось по одной-две штуки на бойца. Впрочем, пока имеются исправные минометы с боекомплектом, это непринципиально.

Распорядившись накормить бойцов сухпаем и заняться обслуживанием оружия, Сергей отпустил лейтенантов и несколько минут изучал карту, после чего подозвал пограничника с Зыкиным.

– Ну, что думаете, товарищи? – Кобрин ткнул в карту карандашом. – Мы сейчас примерно вот здесь. Где немцы, мы точно не знаем, где наши – тоже, связи нет ни с полком, ни с дивизией. Как я уже говорил младшему лейтенанту, – он коротко кивнул Зыкину, – ждать подхода войск второго эшелона не просто глупо, но даже преступно. Погубим бойцов, задержав продвижение противника максимум на несколько часов. Потому исходить следует из того, что помощи в ближайшие дни не будет. Какие у кого мысли? Авдеев, давай ты первым. Расскажи, как повоевали?

Помолчав, пограничник осторожно, чтобы не вызвать нового приступа головокружения, мотнул головой:

– Ну, как повоевали? После вашего предупреждения мы успели вывести из расположения почти всех и занять опорные точки укрепрайона. Когда немцы пересекли границу, встретили их во всеоружии, но они быстро поняли, что обстреливают пустые казармы, и перенесли арт-огонь на нас. У них, сволочей, похоже, все цели были заранее распределены, огневые карты по

квадратам составлены, даже пристреливаться не пришлось, с первого залпа накрыли. А может, корректировщики поработали, откуда мне знать? С полчаса крепко долбили, почти четверть бойцов там полегли, два ДОТа гаубицами расколотили. Держались сколько могли, затем отступили в указанном направлении, как было оговорено. Прошли болотами, немец не преследовал. Ждали ракеты, как дождались, так и атаковали. Все, собственно. А касательно вашего вопроса? Не знаю, товарищ капитан, я ж просто пограничник, какие у меня могут быть мысли?

– Ясно, – кивнул Кобрин. – Витя, а ты чего умного скажешь?

Тяжело вздохнув, Зыкин пожал плечами:

– Командир, ну что я могу посоветовать? Понятно, что не драпать нужно, а сражаться, отпор сукам давать. А вот как? Тут тебе виднее. Если б хоть связь имелась, а так...

– Вот именно, что связь... – задумчиво хмыкнул тот. – Причем сразу с Генштабом. Ладно, еще 40 минут отдыха, ступайте оба. Витя, пройдишь по ротам, погляди-послушай, что бойцы говорят, какие настроения – и все такое-прочее, не мне тебя учить. С ротными в неформальной обстановке переговоры, на взводных одним глазком глянь. Комиссара у нас на данный момент не имеется, вот и займись. А ты, Андрей, – обратился он к пограничнику, – прямо сейчас ступай к доктору, пусть осмотрит. Не спорь, – заметив на лице Авдеева гримасу несогласия, Сергей чуть повысил голос: – Это приказ! Который, ежели помнишь, не обсуждается. Под твоим командованием семь десятков рыл, свалишься – кто командовать станет? Снова я? Обойдешься, мне своих забот хватает. Все, выполнять.

Проводив взглядом подчиненных, Кобрин негромко выругался себе под нос. А ведь и на самом деле, что дальше? До сего момента все было более-менее понятно: вывести людей из-под первого удара, занять подходящую позицию, притормозить немцев и организованно отойти. Все четыре пункта на данный момент выполнены. Причем выполнены достаточно успешно: задержать на несколько часов одну из передовых механизированных групп вермахта, потеряв не больше полусотни бойцов и уничтожив в два с лишним раза больше солдат противника – весьма неплохо для первого дня войны! Но вот дальше-то что? Самое печальное, на то, чтобы подумать об этом, у него банально не было времени – от слова «совсем». Уж больно быстро развивались события сегодняшнего утра.

На данный момент понятно одно – пока эти самые события идут именно так, как и было в реальной истории: подразделения 27-й стрелковой дивизии снова сражаются разрозненно и не имея связи между собой. За исключением его батальона, разумеется. К чему это приведет – известно: через три дня дивизия перестанет существовать как боевая единица, почти в полном составе сложив головы к 25 июня. Идти по проторенному пути? Ага, прямо сейчас! Не для того его в далекое прошлое закинули, чтобы чужие ошибки повторять. А вот учиться на них – другое дело. Еще бы разобраться, какой путь его, а какой – нет... Поскольку пока понятно только одно: нужно идти на соединение с любым крупным и сохранившим достаточную боеспособность соединением Красной Армии, способным встать в глухую оборону и продержаться хотя бы несколько дней, изматывая наступающих гитлеровцев. А в последний момент грамотно – вот как сегодняшним утром – отступить, не позволяя фрицам замкнуть кольцо окружения и запирая несколько тысяч бойцов в очередном котле, выход откуда или в плен, или в безымянную могилу. Первое, впрочем, отнюдь не исключало второго. О том, как обращались с советскими бойцами в фильтрационных лагерях лета 41-го и скольким оттуда удавалось выбраться живыми, Сергей помнил: за время обучения капитан изучил не один десяток воспоминаний прошедших этот ад очевидцев...

И какой отсюда вывод, товарищ пока еще неполный полковник Генерального штаба? Правильно, вот какой: в сложившейся ситуации двигаться нужно вот сюда. Уж больно место подходящее, да и не особенно далеко, если идти, не снижая темпа, до наступления темноты доберутся. Бойцы пока не измотаны ни боями, ни долгими переходами; вкус победы опять же не далее как сегодняшним утром ощутили – должны выдержать марш-бросок, должны. Дой-

дут, никуда не денутся. Если, конечно, на немцев не напорются. Так что разведкой нужно озаботиться всерьез. Правда, отдельного разведзвода в штате батальона нет, но уж отделение грамотных бойцов из трех рот плюс пограничники точно набрать можно. Вот, кстати, и еще одна работенка для особиста, пусть займется.

– Разрешите, товарищ капитан?

Погрузившийся в размышления Кобрин едва не вздрогнул. Рядом с ним с виноватым видом застыл немолодой сержант-пехотинец. В одной руке он держал накрытую толстым ломтем сероватого хлеба банку тушенки, в другой – синюю эмалированную кружку.

– Сержант Карпенко, хоззвод... я тут это, покушать вам принес, товарищ младший лейтенант распорядились...

Судя по всему, сержант испытывал нешуточную неловкость от того, что не мог представиться по всей форме: руки-то заняты, нечем козырять.

Усмехнувшись, комбат бросил: «Вольно, товарищ боец» и принял из рук расслабившегося красноармейца сухой паек и алюминиевую солдатскую кружку. Гляди-ка, уже и воду вскипятить успели, хоть он и не давал распоряжения разжигать костры. Впрочем, какая разница? Они в лесу, а в этом времени еще не существует ни беспилотников, ни орбитальных разведчиков, способных засечь даже самую слабую тепловую сигнатуру от открытого огня. Тьфу ты, что за хрень в голову лезет?! Поесть, кстати, не помешает, крайний раз он... в смысле его реципиент, ел вчерашним вечером, за ужином. И сейчас, когда схлынул адреналин и ноздри уловили аромат тушеной свинины, Сергей внезапно ощутил нешуточный голод.

– Свободен, сержант. Спасибо.

Торопливо козырнув, боец облегченно потопал прочь, чуть косолапо загребая разношенными ботинками перепревшую прошлогоднюю листву.

Откусив кусок успевшего подсохнуть хлеба, Кобрин отправил в рот ложку тушенки, с голодухи показавшейся ему немисливо вкусной, куда вкуснее саморазогревающихся армейских рационов из его времени, несмотря на всю их сбалансированность и пищевую ценность. В два счета покончив с консервой, Сергей отставил в сторону пустую жестянку и, прихлебывая чай, слабый и почти несладкий, снова склонился над разложенной на коленях планшеткой, продолжив размышлять.

Итак, допустим, с вопросом «куда идти?» разобрались. Ну, а что мы имеем на данный момент в стратегическом, так сказать, плане? А имеем мы первый день приграничного сражения, которое в течение ближайшей недели приведет к образованию сначала Белостокского котла (и замыканию нескольких «колечек» поменьше), а затем и Минского. В результате чего основные боеспособные силы Западного фронта окажутся окруженными и практически полностью разгромленными, а гитлеровцы продвинулись в глубь советской территории почти на три сотни километров. Барановичи захватят 26 июня, а еще через пару дней наши войска сдадут Минск. Только в этих двух котлах к началу июля в плен попадут больше 320 тысяч бойцов. Кадровых, прошедших полный курс обучения, бойцов и командиров, многие из которых успели повоевать в 39-м и 40-м годах! Тяжелейшая потеря для РККА...

Остановить немцев, пусть и не слишком надолго, войскам второго стратегического эшелона удастся лишь на линии обороны по Днепру и Западной Двине, где и найдет свой бесславный конец окончательно завязший блицкриг. Ценой огромных потерь Смоленское сражение и последующая за ним битва за Киев задержат немцев, позволив подготовиться к обороне Москвы.

Сделав глоток практически остывшего чая, Кобрин вздохнул: ладно, с этим понятно, но что может изменить в сложившейся ситуации его батальон? Попытаться предотвратить Белостокский котел? Или немного отсрочить дату замыкания кольца окружения, позволив вырваться оттуда хотя бы части войск? Если они еще захотят, блин, вырваться – при такой-то неразберихе с командованием практически на всех уровнях! Равно как и с взаимодействием

между собой отдельных подразделений, и со связью, и с боеприпасами и горюче-смазочными материалами, большая часть которых благополучно сгорела или сейчас догорает на раскатанных по камушку бомбами и снарядами складах.

Ну, допустим... Вот только как именно его предотвращать? Маловато у него сил, чтобы противостоять той мощи, что сейчас по всем мало-мальски проходимым дорогам прет. И самое главное, опять же нет связи ни с родной дивизией, ни со штабом корпуса... да вообще ни с кем нет! По его приказу радисты раз в час выходят в эфир, однако ни к чему дельному это пока не привело: практически все диапазоны забиты немецкими переговорами, в которые лишь изредка вклиниваются передатчики советских войск, но определить, кто с кем говорит, где находится и какую задачу выполняет, не удается.

Какой отсюда вывод? Да только один – снова придется импровизировать, ни на секунду не забывая о принесенном из будущего «послезнании», разумеется.

* * *

– Товарищ капитан, танки! – прибежавший со стороны головы походной колонны ротный-раз Степцов с трудом перевел дыхание.

– Отдышись, – буркнул Кобрин, внутренне напрягшись. Если напоролись на немцев, совсем фигово. Батальон не развернут, к обороне не готов, протопавшие несколько десятков километров бойцы устали, нет ни позиций, ни хрена.

Верно истолковавший выражение лица комбата лейтенант сглотнул и торопливо добавил:

– Вы не поняли, тарщ капитан, то наши танки, наши! Видать, нам на помощь шли!

– Лейтенант Степцов! – негромко рявкнул комбат. – Доложить по форме. Что за танки, как далеко отсюда, сколько их – ну и так далее.

– Виноват, товарищ капитан, – вытянулся ротный. – Докладываю...

Из рассказа Степцова выходило, что высланная вперед разведка обнаружила на опушке загнанные под деревья и замаскированные ветками танки общим числом до роты. Судя по тому, что танкисты занимались ремонтом и обслуживанием боевых машин, продолжать сегодня движение они не собирались. А вот о том, что именно это за танки – легкие, средние или тяжелые, – смущенный Степцов ничего сказать не смог: спеша доложить командиру, не успел выяснить у разведчиков. И потому сейчас ожидал разноса. Которого, впрочем, не последовало: угу, самое время! Вот нечего ему сейчас больше делать.

Бросив взгляд на часы – максимум через полчаса начнет темнеть, – Сергей скомандовал:

– Добро. Батальону прекратить движение, располагаться для ночевки. Передай приказ ротным и пограничникам, в первую очередь займитесь охранением, бойцы устали, потому посты менять каждые два часа. А проверять – раз в час. Проводи меня к разведчикам и выполняй. Зыкин, пошли, глянем, что там за танки такие. – Внимательно слушавший разговор особист молча кивнул и потопал следом. – И кстати, давай и Авдеева прихватим.

– Зачем? – искренне удивился тот.

– Пригодится, – мрачно хмыкнул капитан. Не объяснять же Вите, что убедить танкистов изменить первоначальные планы будет непросто. Вот пускай пограниц и расскажет, как повоевал и отчего отступил. И что там впереди вообще.

Пока шли, обгоняя вымотанных многочасовым маршем пехотинцев, от усталости едва передвигавших ноги, Кобрин размышлял, анализируя сообщенную ротным информацию. Судя по тому, что хранила память, они могли встретиться с подразделениями одной из танковых дивизий шестого мехкорпуса, скорее всего 4-й или 7-й. В боях первого дня войны механизированный корпус участия не принимал, лишь сегодняшним вечером получил приказ вместе с «соседями» за двое суток уничтожить сувалкинскую группировку фрицев. Та самая Дирек-

тива № 3 за подписью наркома обороны Тимошенко, члена военсовета Маленкова и начальника Генштаба Жукова. Ничем хорошим это, разумеется, не закончилось.

Интересно, кстати, что именно за танки? Рота тяжелых танков, согласно довоенным штатам, включала десять «КВ», средних – 16, по четыре машины на взвод. Конечно, ранние «тридцатьчетверки» имели кучу мелких недостатков, но при умелом использовании могли громить немецкие панцеры даже на максимальной дистанции выстрела. «Ворошиловы» – тем более, этим вовсе практически никакой вражеский калибр не страшен, кроме разве что зенитных 88-мм. Но им сейчас в этих местах просто неоткуда взяться. Гораздо хуже, если встретились легкие танки: спору нет, «бэтэшки» и «двадцать шестые» – опасный противник не только для немецких «Pz-I» и «Pz-II», но и для более серьезно бронированных машин, но все же Сергей предпочел бы что-нибудь помощнее. Скоростные и маневренные «БТ» и «Т-26» хороши для молниеносной атаки и захвата плацдарма, который следом займет пехота при поддержке средних или тяжелых танков, а вот в обороне от них пользы маловато, даже если закопать в землю по самые башни, – и пушка слабовата, и броня не та. Ладно, к чему гадать, скоро узнает.

Переговорив с разведчиками – повезло, танки оказались «тридцатьчетверками», чему Кобрин весьма обрадовался, – капитан приказал отвести его к танкистам. Идти оказалось недалеко, и вскоре их окликнул из кустов часовой, наотрез отказавшийся пропускать без пароля. Уставший ничуть не меньше своих бойцов и оттого мрачный комбат ответил на русском командном, кратко и емко, и уже через пару минут беседовал с командиром роты средних танков, старлеем Ивановым. Кобрин угадал – танкисты оказались из состава 4-й танковой дивизии и завтра перед рассветом собирались выдвигаться в сторону госграницы. Во исполнение той самой «директивы-номер-три», ага.

Правда, с матчастью у них было не очень, на марше роту дважды серьезно потрепало люфтваффе, спалив два танка и несколько приданных грузовиков с боеприпасами и топливом и повредив еще три боевые машины. Подранков дотянули на буксире, и их ремонтом сейчас занимались экипажи. Итого, в строю оставалось 14 машин – считая вместе с ремонтируемыми. Радовало то, что все «Т-34» шли с полными боеукладками. А вот с горючим оказалось куда печальнее: за день баки опустели наполовину, и раздобыть солярку было негде. Впрочем, для планов Кобрина (о которых пока знал лишь он один) это было несущественно – глубоких танковых рейдов по вражеским тылам он не планировал, поскольку эти самые тылы на данный момент были понятием весьма иллюзорным. Главное, чтобы горючки хватило почаще позиции менять да перемещаться в пределах пары десятков километров – и ладно.

Разумеется, предложение Кобрина похерить приказ и присоединиться к собирающемуся занять оборону батальону танкист встретил в штыки. Настолько, что даже вскочил на ноги и начал зачем-то дергать застежку кобуры. Пришлось подорваться следом и усадить перевозбужденного лейтенанта обратно:

– Да сядь ты, Илья! Это приказ старшего по званию! Сядь – и выслушай до конца. Если бы я сегодняшней ночью не нарушил приказ и не вывел бойцов из расположения – мы бы сейчас с тобой не разговаривали. От слова «совсем». Поскольку перемолотили б нас немцы на полметра вглубь еще в четыре утра прямо в казармах. Вон, товарищ особист подтвердит, он со мной рядышком с первых минут был, мои действия, так сказать, контролировал. Верно, товарищ младший лейтенант, так все и было, как я сказал?

Зыкин мрачно кивнул, подтверждая слова командира.

– Не веришь? По глазам вижу, что не веришь. Добро, твое право. Тогда вон лейтенанта Авдеева послушай, когда мой батальон в засаде сидел, он с немцами уже полтора часа воевал. Ну, чего скажешь, Андрюха?

– А чего говорить? – тяжело вздохнул пограничник. – Все верно товарищ капитан говорит. Ежели б не его предупреждение, я бы половину личного состава под снарядами да бомбами еще на заставе потерял и хрен знает скольких еще, пока укрепрайон под огнем занимали.

А так – дали фашистам укорот. Товарищу комбату можно верить, он знает, что делает. К границе вам соваться без смысла, там уже немцы.

– Так для того и контрудар, чтобы их отбросить! Ударим в основание сувалковской группировки, как приказано, отсечем немцев, зайдем эти самые Сувалки, да и...

– Да и все, – хмыкнул Кобрин, перебивая танкиста. – Не доберешься ты до Сувалок, лейтенант, и назад не воротиться. Связи ни между вашими дивизиями, ни с 11-м мехкорпусом, что вместе с вами наступать должен, у вас нет и не будет. Тылы практически разгромлены или отстали, на дорогах не пойми что творится, наверняка сам видел. Про запасы горючего напоминать? Или, как твои «коробочки» посреди поля заглохнут, думаешь у немцев попросить?

– Откуда вам про связь известно?! – вскинулся старлей. – Может, и будет она или из штаба пакет пришлют.

– Оттуда, – буркнул Сергей. – Знаю – и все тут. Не ошибся же, когда про начало войны узнал? Вот и сейчас не ошибаюсь. А все потому, что учили меня хорошо, умею мозгами шевелить и информацию анализировать. У меня это уж третья война, так что не сомневайся даже, лейтенант. Ну, согласен? Если что, повторюсь: как старший по званию всю ответственность беру на себя.

– Ладно, что вы конкретно предлагаете? – с глубочайшим сомнением на лице спросил Иванов, скривившись, будто от внезапной зубной боли.

Кобрин усмехнулся и раскрыл планшет, подсветив карту фонариком:

– Гляди, танкист. Что видишь? Правильно, единственное на ближайшие десять км шоссе республиканского значения, которое немцы без своего внимания никак не оставят. Более того, именно по нему с рассветом и продолжают наступление. А вот тут, – комбат указал пальцем, мельком подумав, что сенсорный тактический планшет куда удобнее, – еще и мост имеется. И второй, побольше, в пяти километрах на юго-восток, во-от туточки, по которому, между прочим, еще и железнодорожная ветка проложена. Как считаешь, лейтенант, удобное место для засады?

– Да поди разбомбили их, мосты-то? – неуверенно протянул танкист, вглядываясь в условные обозначения.

– А вот хренушки, лейтенант. Абсолютно убежден, что ни на тот, ни на другой ни одна бомба не упала! Немцам мосты нужны как воздух. Поскольку вся тактика ихнего блицкрига основывается именно на скорости продвижения в глубину оккупируемой территории! И если мы немца там хоть на часок-другой задержим, да еще и мостики взорвем, то всерьез нарушим целую кучу их планов. Нашим сейчас не то что день – каждый час немецкого промедления на вес золота! В себя прийти, войска перегруппировать, резервы подтянуть. Вот давай и подарим им немного времени. Согласен?

Помолчав, танкист неуверенно пожал плечами:

– Вроде все правильно говорите, товарищ капитан... только можно вопрос?

– Ну?

– А блицкриг – это чего такое?..

Глава 6

Земля, далекое будущее

«Что?! Почему?! Зачем меня вернули?» – осознав, где именно он находится, Сергей попытался приподняться, но стоящий рядом с медблоком лаборант мягко, но решительно опустил его обратно.

– Успокойтесь, ничего не случилось, это штатное мероприятие по приказу курирующего процесс тренировки дежурного офицера. Сначала мне необходимо снять датчики контроля жизнедеятельности и мнемoprojectор. Кроме того, сейчас вам не стоит проявлять излишней физической активности, расслабьтесь. Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – прохрипел сквозь пересохшее, словно с перепоя, горло комбат... нет, сейчас уже не комбат, а курсант первого курса ВАСВ капитан Кобрин, окончательно приходя в себя. Сильно кружилась голова, но в целом он и на самом деле ощущал себя неплохо. Разве что в туалет сильно хотелось.

– Прекрасно. Расслабьтесь, пожалуйста, сейчас медицинский блок завершит процедуру, и минут через десять вы сможете встать. Санузел в соседнем помещении, можете принять душ и переодеться, форма в вашем личном шкафчике. После этого вас ждут в кабинете оперативных совещаний. Вам что-нибудь еще нужно?

– Нет, спасибо, – буркнул капитан, прикрывая глаза. – Разберусь...

Лаборант отошел, и Кобрин расслабленно откинулся на эргономичный матрас. Физически он и на самом деле чувствовал себя вполне сносно, но вот в голове царил полный сумбур. Почему его внезапно «выдернули» обратно? Он не справился и руководители «Тренажера» решили прервать тренировку? Или, наоборот, сочли, что одного боя достаточно? Да нет, глупости, не может такого быть! Чему он мог научиться, проведя в прошлом всего сутки? Вопросы, вопросы – и ни одного ответа. Ненавижу неопределенность! Скорее бы выбраться отсюда...

– Вольно, курсант, проходите, – выслушав доклад Кобрин, кивнул замначальника академии полковник Шкенеv. – Присаживайтесь.

Дождавшись, пока Сергей опустится в одно из стоящих вокруг стола для совещаний кресел, он продолжил:

– Прекрасно понимаю ваше удивление и, возможно, даже возмущение. И потому сразу оговорюсь: ничего страшного не произошло, тренировка не завершена, ее вы не провалили, хоть пока и не прошли в полном объеме. Ваше временное возвращение – абсолютно штатная процедура, так сказать, текущий разбор полетов. На будущее – больше подобного не будет до самого окончания обучения или вашей экстренной эвакуации.

– Или гибели? – едва ли не против своей воли добавил Кобрин.

– Или гибели, – спокойно согласился полковник, пожав плечами. – Обо всех опасностях вы предупреждены, как и остальные допущенные к прохождению «Тренажера» курсанты. Еще вопросы?

– Вопросов не имею, товарищ полковник.

– Тогда к делу. Много времени это не займет, поскольку через полтора часа вам необходимо вернуться обратно. Итак, начнем. Ваше решение вывести батальон из пункта постоянной дислокации и устроить засаду на направлении удара одной из механизированных групп противника абсолютно верное. Как и эвакуация гражданских, и предупреждение погранотряда о гитлеровском нападении с последующими совместными действиями с уцелевшими пограничниками. Время для выхода на связь также выбрано правильно – раньше просто не имело смысла, все равно никто бы не поверил. Засада также организована в целом грамотно, как и

отступление, однако есть и недоработки. Во-первых, вы сетовали на отсутствие достаточного количества противотанковых орудий. Кстати, весьма эффектно заменив их минометами. Но, насколько я понял, ваши артиллеристы не успели израсходовать и трети боезапаса, так? И вы не могли не понимать, что примерно так и будет?

Кобрин молча кивнул, пока не понимая, к чему клонит полковник Шкенеv.

– А что мешало еще и заминировать дорогу на значительном протяжении, используя большую часть артиллерийских выстрелов в качестве фугасов? Среди ваших бойцов наверняка имеются опытные саперы. Согласны?

– Согласен, – помолчав несколько секунд, кивнул головой Сергей. Подумав, что ему, если уж начистоту, подобное просто и в голову не пришло.

– Прекрасно. Теперь давайте поговорим о потерях. Вы потеряли полсотни человек, уничтожив в два с лишним раза больше солдат противника. Неплохой результат, не спорю, но неплохой исключительно в случае, если бы ваши бойцы не успели окопаться и оказались вооружены «трехлинейками». Но весной батальон в целом перевооружили самозарядными винтовками, и я считаю, что вы не сумели в полной мере использовать преимущество в огневой мощи и скорострельности над вооруженным устаревшими карабинами противником. Это – во-вторых.

– А в-третьих? – осторожно осведомился Кобрин, прикинув, что идея с фугасами в принципе неплоха, но вот насчет «СВТ» полковник не совсем прав. Немцы на позиции его батальона шеренгами не шли. А после того, как начали долбить по окопам из орудий, и вовсе стало не важно, самозарядки у бойцов или «мосинки».

– А в-третьих, больше замечаний на данный момент не имею, – усмехнулся Шкенеv. – Только короткое напутствие: используя засадную тактику, усиленный минометами и пулеметами, вооруженный самозарядным оружием батальон в семь сотен бойцов может и должен наносить противнику гораздо больший ущерб! Да и людей вы, учитывая перечисленные обстоятельства, потеряли все-таки многовато. Подумайте над этим и сделайте соответствующие выводы. Свободны, товарищ капитан. Ступайте в лабораторию, все готово к обратному переносу. Удачи!

Пока несколько сбитый с толку Сергей шел обратно и переодевался в свежий комплект нижнего белья – или как там правильно называется эта одноразовая пижама, в которой ему предстояло залезть в «ванну» медблока? – он продолжал размышлять над более чем неожиданным разговором. В чем-то он был согласен с полковником, в чем-то – нет, но подумать на досуге действительно стоило. Вот только будет ли у него этот самый «досуг» там, на войне? Кстати, а вот интересно, это всех проходящих «Тренажер» курсантов «выдергивают» обратно для разбора ошибок или только его? С другой стороны, какая разница?

– Готовы? – привычно осведомился лаборант, сверяясь с планшетом.

– Поехали, к чему тянуть, – хмыкнул Сергей, борясь с желанием почесать зудящую под налепленными на кожу датчиками грудь. – А то больно щекотно.

– Щекотно? – нахмурился медик. – В каком смысле?

– Да не важно, отправляй уже, меня бойцы ждут. А то вдруг Минаев по нужде захочет да проснется. А тут Витька Зыкин у него чего спросит. Вернусь, а меня уже в страдающие раздвоением личности психи записали. Вот будет...

Закончить фразу Кобрин не успел: как и в прошлый раз накатила и пропала тошнота, и ставшее невесомым сознание плавно угасло, чтобы очнуться совсем в ином времени.

23 июня 1941 года, раннее утро

Кобрин позволил бойцам поспать почти три часа, подняв батальон глубокой ночью. Красноармейцы не роптали, хоть и не успели как следует отдохнуть – угу, можно подумать, он со

всеми этими «возвращениями в будущее» успел! Эмоции и воспоминания вчерашнего дня еще были живы в их памяти, настраивая на нужный лад: каждому хотелось сражаться и дальше, побеждая, разумеется. Самым страшным для комбата, как ни дико звучит, была именно эта их вера в скорую победу. До которой пока еще слишком далеко. Кобрин прекрасно представлял, что их ждет сегодняшним днем и скольким из них не удастся дожить до вечера, но своими мыслями ни с кем делиться не собирался, даже с Зыкиным, как-то незаметно ставшим... ну, не то чтобы полноценным заместителем, но чем-то вроде того – все-таки нормального начштаба отчаянно не хватало. Да и политрука, если так подумать, тоже. И нужно ж было обоим уехать в город за сутки до начала войны! Наверняка ведь погибли во время артобстрела или когда попытались добраться до расположения батальона.

До выбранного места, спасибо танкистам, добрались меньше чем за час: бойцы шагали налегке, поскольку минометы и ящики с боеприпасами погрузили на танки. Как и раненых. Одну из поврежденных птенцами Геринга «тридцатьчетверок» восстановить до ходового состояния так и не удалось, однако бросить ее старлей Иванов отказался наотрез, и сейчас боевую машину тянул на буксире замыкающий колонну танк. Сергей, собственно, и не спорил: пушка цела? Выстрелы к ней имеются? Вот и отлично, будет у них лишняя огневая точка, пусть и неподвижная. Не оставлять же на самом деле на радость фрицевским трофейщикам? А взрывать жалко, да и нельзя из соображений маскировки.

Позиции готовили до самого рассвета, работая в стахановском темпе, – кто такой этот самый Стаханов, капитан так и не понял, поскольку в памяти реципиента имелась лишь поверхностная логическая связка с понятием «ударный труд с перевыполнением нормы», а вот подробностей обнаружить так и не удалось. Интересно, это что-то означает? Например, то, что он не контролирует полностью память Минаева? Блин, да какая разница?! Неужели других проблем мало?..

Дольше всего окапывали танки, готовя капониры с пологим выездом с тыла, – глядя на потных матерящихся бойцов хоззвезда и танкистов, рубящих глину малыми пехотными лопатками и штыковыми лопатами из комплекта шанцевого инструмента (по две штуки на каждую машину, и на том спасибо), Кобрин с тоской вспоминал механизм самоокапывания привычных «сто четырнадцатых». Тут всей работы на три минуты, а мужики минимум по 40 минут на каждую «коробку» тратят, из последних сил выбиваясь! А им еще воевать, между прочим. Да и капониров на каждую машину требовалось откопать по две штуки. Но что поделать – выдвигной бульдозерный отвал в этом мире придумают только лет через 30.

Пульроте и пехотинцам комбат, экономя время и силы, разрешил оформить лежачие ячейки, как и в прошлый раз сделав особый упор на маскировку: долго задерживаться на месте он не предполагал. Минометы расположили в низинных складках местности почти на пределе дистанции действительного огня: вчерашняя тактика вполне себя оправдала, гитлеровцы так и не раскрыли ни одной позиции. Собственно, согласно его плану, в этом бою артиллеристы полностью расстреляют свой боекомплект, и тащить с собой минометы глупо. Комроты мамлей Паршин, разумеется, станет с пеной у рта доказывать, что бросать вверенную ему магчасть преступно, пугать трибуналом и все такое, но он его переубедит. Или Зыкин разберется – бросающий порой на комбата задумчивые взгляды особист все больше притирался к командиру, и на самом деле становясь его правой рукой. А взгляды? Похоже, заметил-таки, что капитан с позавчерашнего дня несколько изменился: ну, еще бы не заметил, контрразведчик все ж таки! Да Кобрин вовсе и не собирался полностью следовать поведению Минаева – да и как, собственно? Пси-ассоциация отнюдь не предполагает абсолютного повторения донором поведенческой карты реципиента. Пока ненужных вопросов не задает – и то хлеб. Так что пусть зыркает, искренне веря, что Сергей этого не замечает, ему от этого ни жарко ни холодно. Главное, ни в чем плохом не подозревает, поскольку помнит, кто их всех спас. Да и в бою видел.

Отгнав несвоевременные мысли, Кобрин взглянул на часы и снова приник к биноклю. Стрелки показывали без четверти четыре. Уже почти рассвело, и можно было отчетливо рассмотреть довольно крупный двухпролетный мост. Удивительно, но столь важный объект вовсе не охранялся – похоже, следствие все той же неразберихи первых суток войны. Впрочем, это оказалось только на руку: иначе хрен бы удалось скрытно подготовить позиции. Пехота еще ладно, а вот рычащие дизелями танки, которые по ночному времени за добрых полтора километра слышно... но пока, похоже, все шло по плану. Что не могло не радовать.

Немцы, кстати, тоже шли по плану. Своему, разумеется: ровно в четыре двадцать утреннюю тишину разорвал треск нескольких мотоциклетных моторов. Не доезжая до моста полусотни метров, немцы остановились, чего-то дожидаясь. Или кого-то. Неведомое «что-то» появилось спустя несколько минут, оказавшись тентованным двухосным грузовиком. Мотоциклисты разбрелись по округе, занимая оборону, а полдюжата спрыгнувших через борт немцев начали осмотр моста. Ну, понятно: саперы приехали, дабы убедиться, что коварные большевики его не заминировали и прохождению колонны ничего не угрожает.

Сергей весело хмыкнул – ищите-ищите, вам за это полновесные рейхсмарки платят, не говоря уж о прочих допайках. Все равно ни хрена не найдете, поскольку там ничего и нет. А мы пока подождем, не время еще показываться. Лишь бы только ни у кого из пацанов палец на спуске не дрогнул: одного случайного выстрела хватит, чтобы весь план псу под хвост пошел. Вроде не должны, не зря ж он об этом ротных отдельно предупреждал: мол, демаскировка позиции батальона приравнивается к измене Родине и пособничеству врагу и по законам военного времени карается расстрелом на месте. Но нервы-то у ребят не железные... хорошо еще, не знают пока, что фрицы на нашей земле творить станут. Если бы сожженные вместе с жителями деревни увидали, могли б не сдержаться.

Повозившись на мосту и под ним минут с пять, гитлеровцы заметно расслабились. Перегнав мотоциклы и грузовик на восточный берег, скучковались возле пустой будки смотрителя. Закурили. Несмотря на приличное расстояние, комбат отчетливо слышал смех и обрывки гортанных фраз – немцы не таились, чувствуя себя полноправными хозяевами. Зря, кстати. Ну и хрен с вами, травитесь, благо недолго осталось. Все равно не от никотина помрете, а свинцом отравитесь. Или чугуном, если на осколок нарветесь.

Еще минут через десять на ведущей к мосту дороге замелькали огоньки закрытых маскировочными чехлами фар. Легкий ветерок принес сливающийся в монотонный гул рев десятков моторов, сквозь который пробивался резкий металлический лязг гусениц. Ну вот и гости пожаловали согласно расписанию. Вот бы был приколом, если именно в этой механизированной группе сам «папаша Гот» ехал! Интересно с ним парой фраз перекинуться, благо язык Сергей знал – как и все, получившие доступ к «Тренажеру» курсанты. Да и попавший в плен на второй день войны гитлеровский генерал лишним не будет, эдакая плюха Оберкомандованию. Жаль только, что в стратегическом плане нашим это вряд ли сильно поможет, незаменимых генералов у фрицев нет. Потеряют Гота – его место займет кто-нибудь из заместителей. Так, все, хватит мыслью по древу растекаться! Да и откуда здесь взяться Готу, если большая часть его Panzergruppe-3 наступает, еще вчера форсировав Неман, со стороны северного фаса Белостокского выступа? А в этом направлении почти наверняка движется какая-то сводная механизированная группа из состава 9-й армии генерал-полковника Штрауса.

Проверив маркировку патрона в сигнальном пистолете, Кобрин взвел курок, внезапно ощутив легкое дежавю: ну да, ровно сутки назад все это уже было. Блеснувшее в тусклом рассветном свете донце сигнального патрона, затаившиеся на позициях бойцы, втягивающаяся в узкое дефиле ревушая движками колонна немецкой техники. Вот только вчера у него не было танков.

Дождавшись, когда идущие в авангарде несколько танков и бронетранспортеров минуют мост и съедут на дорогу, комбат поднял руку и выпустил в небо сигнальную ракету, с лег-

ким хлопком рассыпавшуюся над головой тремя ярко-алыми огненными цветками. Спустя несколько секунд по ушам гулко ударили выстрелы танковых пушек.

* * *

В том, что кадровые военнослужащие во многом превосходят бойцов ускоренного военного выпуска, Кобрин и раньше нисколько не сомневался, сейчас же убедился в этом на практике. Успевшая отъехать от моста метров на сто легкая «двойка» внезапно скрылась в рыжем всполохе взрыва и остановилась, по инерции развернувшись поперек дороги. Намертво запереть колонну она не могла – идущий следом средний «Pz-IV» просто столкнул бы внезапно возникшую преграду под откос, – но и в его борт воткнулась болванка, и танк подпрыгнул от внутреннего взрыва. Сорванную с погона угловатую башню с вырванными ударной волной люками отбросило на крышу МТО. Проехав еще с десятков метров, танк уперся в развороченный корпус пылающего собрата и заглох. Вот теперь дорога была перекрыта надежно. Особенно если учесть два полыхнувших следом бронетранспортера, получивших по осколочной гранате, – тратить на легкобронированные цели бронебойные снаряды танкисты не стали, вполне хватало и обычных.

Одновременно трижды грохнуло в хвосте колонны – танкисты били почти на пределе дальности и... не мазали! Вспыхнул, получив бронебойный подарок в корму, еще один танк, почти сразу же рванула приземистая «StuG-III», вывернув наружу искореженные взрывом боекомплекта бронелисты. Механик-водитель зажатого между пылающими собратьями легкого танка, не сбрасывая скорости, попытался обойти затор по обочине, но тоже напоролся на болванку, напрочь развалившую ходовую по правому борту. Крутанувшись на месте, бронемашина замерла, и наружу споро полезли танкисты, хоть танк и не собирался гореть. Спрыгивая на землю, панцерманы бежали в сторону от шоссе, прячась среди пыльных чахлах кустиков, но по ним никто не стрелял: слишком далеко. Это комбату в бинокль все отлично видно, а пехотинцам – нет. Да и приказа не было – пока что Кобрин батальон в бой не вводил: рано. Пусть фрицы решат, что наткнулись на артиллерийскую засаду русских. А вот когда танкисты станут менять позиции, они фрицев и отвлекут.

Злорадно ухмыльнувшись – что, не ожидали? С чем и поздравляю. Расслабьтесь и получите удовольствие, – Сергей взглянул на середину тормозящей колонны, куда, согласно оговоренному с лейтенантом Ивановым плану, били остальные танки роты. Судя по нескольким дымным столбам, там тоже все складывалось неплохо – горело как минимум три танка и несколько бэтээров. Танки стреляли беглым, по мере того как наводчики находили цели, а башнеры перезаряжали орудия, перемежая огонь по бронированным целям стрельбой фугасными гранатами, выпускаемыми по грузовикам и бронетранспортерам. Часть снарядов разрывалась на дороге, дырявя осколками кабины и брезентовые тенты, разнося в щепу дощатые борта и поджигая бензобаки, так что паники, несмотря на то что обстрел едва начался, хватало с лихвой.

На мосту тоже все оказалось в полном порядке: переправу наглухо закупорила дымящая разбитым двигателем «четверка». Успевшая вползти следом самоходка попыталась рывком сдать назад, но столкнулась с подпершим ее броневином, подмяв под себя его капот. Что именно собирался сделать мехвод, Кобрин так и не понял, но «Штуга» неожиданно начала разворачиваться, проломила ограждение – и повисла на краю моста, съехав левой гусеницей с настила. Несколько секунд ничего не происходило – сидящему за фрикционами немцу достало ума заглушить двигатель, затем в основание моста ударил осколочный снаряд. И почти сразу второй. Грохнуло, взлетели в воздух измочаленные обломки бревен, ударная волна пригладила поверхность воды, поднимая невысокую концентрическую волну. Бронемашина тяжело просела вниз вместе с доброй половиной пролета и опрокинулась в реку, подняв стену брызг.

Мгновение – и над заляпанным грязью днищем сомкнулась поверхность грязно-бурой, взбаламученной воды. Ого, а он-то все думал, как мост разрушить! Молодцы парни, отлично стреляете! Еще парочка столь удачных попаданий – и первый пролет тоже отправится в самостоятельное плавание.

Что ж, пока все шло хорошо, но Кобрин с волнением поглядывал на часы – только бы танкисты не увлеклись боем, не позабыли, уверовав в легкую победу, то, что он вбивал в голову каждому командиру боевой машины пару часов назад! Не более четырех-пяти выстрелов с одного места – и смена позиции. На максимальной скорости, ни на что не отвлекаясь. Ох, ребята, только не подведите ни меня, ни себя! Ведь с немцами никто из вас пока не воевал, потому даже не представляете, насколько опытный противник вам достался! Мои бойцы хоть один реальный бой прошли, кое-чего видели, кое-чему научились, а вы...

Разумеется, немцы, как и вчерашним утром, с похвальной быстротой пришли в себя. Из грузовиков сиганули пехотинцы, отбегая подальше от простреливаемой дороги и вполне организованно залегая. Мехводы танков и бронетранспортеров торопливо заводили машины за корпуса подбитых камрадов, укрываясь в дыму. К сожалению, по сравнению со вчерашним боем шоссе не имело выраженных откосов, и ничего не мешало им отъехать в сторону. Чем гитлеровцы немедленно и воспользовались... не учтя только одного: комбат не зря разделил и танки, и батальон на две части, расположив позиции по обоим флангам, благо местность позволяла. И не прогадал, как выяснилось. Снова ударили башенные «Л-11», и еще несколько подставивших борта немецких танков окутались дымом на обочинах. Остальные сделали из происходящего правильный вывод, решив не рисковать, и открыли огонь с места – похоже, наводчики все-таки нащупали позиции советских танкистов. Первые снаряды легли неprecельно, но уже спустя несколько десятков секунд кусты разрывов стали подниматься в опасной близости от капониров. Быстро они опомнились, суки! И лупят метко, причем без всяких корректировщиков! Вот теперь точно все, пора менять позицию! Причем срочно. С приставкой «очень». Ну же, парни?! Ну?!

Словно услышав мысленный призыв, танкисты прекратили огонь, и обернувшийся комбат заметил выползающие из капониров «тридцатьчетверки». Сбрасывая под гусеницы остатки маскировки из загодя нарубленных в лесу веток с уже успевшей увянуть листвой, танки разворачивались и набирали скорость, двигаясь в сторону новой позиции. Едва ли не против воли Сергей пересчитал приземистые «коробочки» – десять, все целы! Танк с поврежденной ходовой, закопанный в землю по самый погон башни и тщательно замаскированный, в бою пока не участвовал: ему комбат отводил роль тылового заслона, когда придет время отходить. Еще полдесятка машин укрывались в километре восточнее, поскольку Кобрин решил не вводить в бой сразу все силы – иди знай, как все пойдет. А иметь под рукой почти полтора танковых взвода, с полными боекомплектами и неизмотанными боем экипажами всегда полезно. Маневренная группа, ага! Тем более на двух машинах из пяти имелись радиостанции, включенные на прием, и помощь можно было вызвать в любую минуту.

В этот момент один из «Т-34» неожиданно дернулся на месте, теряя перебитую гусеницу, крутнулся вокруг оси и взорвался, поймав в борт бронебойный снаряд. Подброшенная расширяющимися газами башня, перевернувшись через ствол, плюхнулась в паре метров, а из корпуса рванулось вверх яркое дымное пламя. И не успел Сергей выматериться, как немцы подбили еще одну «тридцатьчетверку», разбив двигатель. Как ни странно, на этот раз танк даже не загорелся, просто замер без движения. Башня начала разворачиваться назад, и капитан до боли сжал кулаки, с силой вонзая ногти в ладонь, – какого хрена?! Твою ж мать! Что ж вы творите-то, дурни?! Он же однозначно приказывал – при потере маневренности или критическом повреждении танка немедленно покидать машину! Не геройствовать по-глупому, а спасаться! Обученный экипаж ценнее любого, даже самого распрекрасного танка на свете!

Превратившаяся в неподвижную мишень «тридцатьчетверка» выстрелила. Один раз. Перезарядиться и выстрелить повторно ей уже не дали: выбросив сноп искр, немецкая болванка пробила борт. Подпрыгнул башенный люк, наружу выметнулся клуб грязно-серого дыма, но боеукладка так и не взорвалась. Впрочем, наружу все равно никто не выбрался. Остальные боевые машины благополучно пересекли открытое пространство, занимая запасные позиции.

Кобрин тяжело вздохнул, отворачиваясь: прощайте, ребята! Все, пора вводить в бой батальон, самое время. Лишь бы ротные не напортачили, не стали дурную инициативу проявлять, а просто четко выполнили поставленную задачу, как он им перед боем доводил. Связи-то между растянутыми ротами нет, а картину сражения в целом будет видеть только он. Ну, будем надеяться, все нормально получится.

Найдя взглядом Зыкина, молча кивнул. Не произнося ни слова, младший лейтенант вытащил сигнальный пистолет и выпустил в небо ракету, на сей раз одиночного зеленого огня. И почти сразу же хлопнули, пристреливаясь, минометы. Следом за которыми ударили пулеметные очереди, забухали самозарядные винтовки пехотинцев и пограничников. Все, понеслось...

В отличие от вчерашнего боя сегодня целью минометной роты была не забитая техникой дорога – этим занимались танкисты, – а рассредоточившиеся пехотинцы. Которых оказалось просто до неприличия много – как бы не больше полнокровного батальона. Ну, уже не совсем «полнокровного», конечно, потери у них весьма приличные. А сейчас станут еще больше. После первых пристрелочных выстрелов минометчики, как и прошлым утром, вошли в ритм, и вдоль обеих обочин начали регулярно подниматься кусты разрывов.

Для немцев подобное оказалось весьма неприятным сюрпризом: похоже, и на самом деле поверили, что напоролись на засаду противотанкистов, а тут такая неожиданность! Массированный минометный обстрел, поддержанный плотным ружейно-пулеметным огнем по всему фронту и с флангов! И ведь даже позиции не сменить, только поднимись – тут же свою пулю поймает. Вот и пришлось доблестным солдатам рейха вжиматься в белорусскую землю, которую они столь опрометчиво посчитали своей, спасаясь от падающих с выворачивающим душу воем начиненных тротилом трехкилограммовых чугунных капель. В чем-то Кобрин их даже понимал: сам он под минометный обстрел, по понятным причинам, не попадал, но о том, каково это, читал. В будущем читал, разумеется. А тут еще и танкисты, заняв новые позиции, продолжили обстрел, выбивая бронетехнику и добавляя хаоса на шоссе.

Хоть Кобрин и боялся сглазить, но вынужден был признать, что пока все шло весьма неплохо. Пристрелявшиеся минометчики боеприпасов не жалели, вовремя переноса огонь и по фронту, и в глубину. Пулеметчики прижимали противника к земле, не позволяя поднять головы, и подавляли огневые точки. Пехотинцы с пограничниками, как и требовал на инструктаже комбат, патроны зря не жгли и стреляли прицельно, выбивая тех, кто пытался выйти из-под огня или переползти в замеченное укрытие. Немногочисленные снайперы охотились на офицеров, водителей и пулеметчиков. Кое-где нервы у фрицев не выдерживали, и они начинали откатываться назад, к дороге. Что вовсе не гарантировало спасения, скорее наоборот. И самое главное – потери противника росли.

Но все же гитлеровские командиры свое дело знали туго. Осознав, что рано или поздно умело подготовившие засаду русские окончательно переломят ситуацию, они приняли именно то решение, которого Сергей, искренне считавший, что немецкий офицер бережет каждого солдата, ожидал меньше всего. Не дожидаясь окончания минометного обстрела, они подняли остатки батальона в атаку. Правда, не сразу, а выждав, пока с простреливаемой практически на всем протяжении дороги сползет и перестроится для фронтальной атаки с десятков танков. Последнее стоило фрицам еще нескольких подбитых машин, но восемь ведущих огонь «тридцатьчетверок» не могли контролировать всю колонну, пусть и потрепанную, но все еще представляющую более чем серьезную силу. Тем более часть уцелевших танков и САУ, укрываясь за корпусами подбитых товарищей, продолжала вести подавляющий огонь по позициям

русских танкистов. К сожалению, весьма результативный огонь: к началу немецкой контратаки Кобрин насчитал три поднявшихся над капонирами дымных столба. Итого минус пять... хорошо стреляют, мрази! Твою же мать!

Найдя взглядом радиста, рядом с которым застыл с биноклем в руках лейтенант Зыкин, рявкнул:

– Связь с танкистами, живо! Сначала с «Заслоном», затем вызывай «Резерв»! Ну?!

Радист торопливо подал ему наушники и тангенту, испуганно доложив:

– Есть связь с «Заслоном», тарщ комбат.

– «Заслон», какого хера копаетесь?! Жить надоело?! Не видите, что по вам пристрелялись? Покинуть позиции, маневрировать, вести огонь с коротких остановок. После соединения с группой резерва нанести по вражеской бронетехнике и пехоте сходящийся фланговый удар с двух направлений и немедленно отступить. Немедленно! Все, выполнять.

Дождавшись, пока радист соединит его с ожидающими в резерве танками (и слегка успокоившись), капитан приказал:

– «Резерв», слушай боевой приказ. Противник начал контратаку при поддержке танков. Выдвигайтесь на позицию «два», совместно с группой «Заслон» наносите фланговый удар. Не геройствовать, по получении приказа – немедленно отступать. Отбой. Ну что, Витя, сейчас танкисты ударят, и начнем отводить бойцов под прикрытием минометного огня, иначе кучу людей потеряем. А уж если авиаподдержку вызовут – всем кранты, местность открытая, до леса добрых полтора километра. Повоевали мы неплохо, у них живой силы меньше трети осталось.

Вначале все шло по плану: предупрежденные минометчики перенесли огонь, не позволяя фрицам оперативно сократить расстояние до позиций батальона, затем подошли «коробочки», связывая боем немецкие танки. Появления с флангов сразу двух мобильных групп немцы не ожидали, и поддерживающим пехоту панцерам пришлось развернуться в сторону новой опасности. В первые же минуты гитлеровцы потеряли половину машин и, как показалось Кобрину, были готовы прекратить атаку и отступить, но в этот момент «тридцатьчетверки» попали под ведущийся со стороны шоссе артиллерийский огонь последних уцелевших танков и самоходок. А стрелять немецкие наводчики умели, особенно с места. Вот дернулся, останавливаясь и окутываясь дымом из развороченного двигателя, один из «Т-34»; вот еще одна «тридцатьчетверка» крутанулась на месте, подставляя борт, и взорвалась, превратившись в огненный факел. С похвальной скоростью сориентировавшись в ситуации, фрицы развернулись и продолжили атаку, стремительно сокращая дистанцию до позиций батальона. После потери третьего танка и повреждения четвертого (к счастью, оставшегося на ходу) Кобрин, скрипнув зубами, заорал радисту:

– Передавай: всем «коробкам» немедленно выйти из боя! Отступить к ориентиру «пять», поддержать беглым огнем отход батальона. «Заслону-2» – быть готовым прикрывать отступление. (Этот позывной носил замаскированный танк с поврежденной ходовой, на борту которого тоже имелась радиостанция.) Минометчикам и пулеметным расчетам – отсечь пехоту, запретить огнем дальнейшее продвижение противника.

Взглянув на дождавшегося приказа Зыкина бешеным взглядом, Сергей мрачно бросил товарищу:

– Все, Витя, повоевали, уходим. Пока фрицы притормозили, самое время, иначе вообще без брони останемся. Так что давай, беги и... да они там что, совсем рехнулись?! Какого хрена?! – Вздрогнув от неожиданности, особист взглянул в направлении, куда глядел комбат. И тоже выматерился, правда, куда более заковыристо, чем его командир: один из лейтенантов не выдержал и решил поднять роту в контратаку. Ну да, все верно, прямого приказа, запрещающего подобное, Кобрин не отдавал – просто помыслить не мог, что кто-то решится на подобное безумие. Вот воодушевленный разгромом колонны ротный и решился. Проявил-таки ту самую дурную инициативу. Да твою же мать! Нужно их остановить, если следом и другие под-

нимутся, всем конец. И ведь что обидно, его вины в этом нет. Хорошо хоть позиции располагались всего в нескольких сотнях метров от КП, еще можно успеть остановить других, чтобы не повторили подобного идиотизма.

– Что делать, командир? – побледнев, осведомился контрразведчик деревянным голосом.

– Молиться, чтобы остальные следом не рыпнулись, – буркнул Сергей, хватая автомат, такой же, как у Зыкина, «ППД-40». Уже на бегу подхватил лежащую на бруствере каску, автоматически сдвинул в сторону мешающую кобуру. Что ж, похоже, вот он тренировку и провалил. Ну, да и хрен с ним, с тем «Тренажером»! Не он один допуск получал, и другие будут, поумнее. А он отсиживаться за спинами своих бойцов не намерен. В будущем в тылу не прятался, а здесь тем более не станет.

Взглянув на обалдевшего особиста, откровенно отвесившего челюсть, весело рявкнул, поправив каску:

– Младший лейтенант Зыкин, ну и чего застыл? За мной! Может, еще успеем притормозить дураков. А не успеем, так хоть подеремся напоследок. Бего-ом...

И первым выскочил из неглубокого окопчика, где располагались командный пункт и центр связи.

Поднявшаяся в атаку вторая рота успела пробежать не больше полутора сотен метров, прежде чем бойцов прижали к земле пулеметным огнем, за несколько секунд выкосив чуть ли не треть личного состава. «Ну, вот и ответ, собственно, – зло думал бегущий по полю комбат. Сзади гигантскими скачками неся Зыкин и орал что-то насчет опасности, немецких пулеметчиков и необходимости залечь. – В том-то и дело, что вторая. Куренок погиб вчера, его место занял один из взводных. Не сориентировался в обстановке, принял ошибочное решение, поднял людей. А фриц не идиот, сразу из оставшихся пулеметов причесал».

Поравнявшись с позициями первой роты, бойцы которой уже начали вставать, намереваясь поддержать атаку, выпустил над головой длинную, в половину магазина очередь и заорал, перекрывая выстрелы и грохот взрывов и срывая голос:

– Отходить, мать вашу за ногу! Запрещаю атаковать, всем отступать, согласно приказу! Передать по цепи – отступаем! Малыми группами, прикрывая друг друга! Выполнять!!! Под трибунал отдам, расстреляю! Отходим!

Красноармейцы провожали неожиданно появившегося на простреливаемой позиции комбата ошарашенными взглядами. Не ожидали. Да он и сам от себя не ожидал, если честно.

Откуда-то сбоку вывернулся лейтенант Степцов с круглыми, словно у совы, глазами, заорал в ответ:

– Тарщ капитан, куда вы, нельзя, убьют же! Ляжте, убьют! Да ляжте ж вы!

Кобрин хотел было выmaterиться в ответ, но лейтенант толкнул его в сторону, а сзади навалился Зыкин, опрокидывая на землю. Вовремя: буквально в полуметре ударила строчка пулеметной очереди, взлетели невысокие фонтанчики выдранный травы. Сорвавшаяся с головы каска – ремешок Сергей не затягивал, «СШ-40» – не навороченный шлем его бронекompлекта из будущего, если прилетит подарочек от противника, может и шею сломать – откатилась вперед и тут же дважды подпрыгнула, издав металлический звук.

Особист сполз с его спины, дернул за ремень портупей и шумно задышал в ухо:

– Давай, Степаныч, двигай за мной. Вон воронка, метра три отсюда, там и укроемся.

– Какого...

– Ползи за мной, говорю.

Съехав следом за товарищем на дно неглубокой, едва уместились вдвоем, воронки, Кобрин длинно сплюнул. На зубах неприятно похрустывала невесть когда попавшая в рот пыль.

– Во, гляди, командир, как прилетело.

Сфокусировав взгляд, комбат с удивлением разглядел в руке товарища простреленную каску. Его собственную каску. И когда только успел прихватить, ее ж в сторону отбросило? Одно отверстие было аккуратным, просто круглая дырочка, окаймленная ободком отслоившейся краски, второе – продолговатая пробоина с загнутыми внутрь краями: пуля вошла под большим углом, но не срикошетировала. Выходные отверстия выглядели еще более впечатляюще. Да уж, окажись в этот момент внутри шлема его башка, сейчас уже остывал бы с разнесенной вдрызг черепушкой.

– Ладно. – Кобрин забрал у мамлея пробитую каску, надел на голову, с усмешкой подумав, что дважды снаряд в одну воронку не попадает. Чуть, разумеется, несусветная, даже самый слабенький тактический компьютер на раз-два докажет обратное, но многие отчего-то верят. – Спасибо, Витька, вовремя вы меня с лейтенантом притормозили. Но сейчас тормозить вредно для здоровья. Степцов жив?

– Живой, что ему делается. К своим уполз.

– Вот давай и мы поползем, только остороженько...

Земля мелко подрагивала от недалеких взрывов, со стен воронки пыльными ручейками осыпалась иссушенная тротилом глина: получившие новый приказ минометчики укладывали осколочные «подарки» перед носом атакующих фрицев, отсекая их и прикрывая отступление батальона. Гитлеровцы снова залегли, и вырвавшиеся вперед танки вынуждены были притормозить, опасаясь слишком оторваться от пехоты. Это позволило остаткам второй роты, от которой уцелела от силы половина, более-менее организованно отступить. Точнее, отползти. Да и «коробочки» помогли, отвлекая панцерманов огнем, к сожалению, не слишком прицельным. Хотя два из пяти оставшихся танков подбить удалось. Один фриц сгорел, второму разворотило ходовую. Но разворотило знатно, теперь проще на запчасти разобрать, чем чинить...

...Батальон отходил. Не так, чтобы все вышло в точности согласно первоначальному плану, но на этот самый план Кобрин, если уж начистоту, особо и не надеялся – слишком хорошо представлял возможности противника. Но большинство бойцов вывести удалось. С другой стороны, практически полностью уничтожить батальон пехоты и несколько десятков бронемашин (поврежденный и сгоревший автотранспорт никто даже не считал) – весьма неплохо для второго дня войны! Конечно, всю группу они не раздолбали, но затормозили надолго. Минимум до обеда, а может, и куда дальше.

Танкисты старлея Иванова до последнего прикрывали отступление, выйдя из боя всего с восемью машинами из шестнадцати. Сам ротный навечно остался в одной из полыхнувших «тридцатьчетверок». Кобрин видел, как это произошло: когда танку сбили гусеницу, экипаж мог покинуть машину и спастись, но остался на месте и продолжил вести огонь. Прежде чем их сожгли, танкисты успели сделать целых четыре выстрела, три из которых оказались удачными...

На уцелевшие танки погрузили раненых и остатки боеприпасов. Минометы же, как и планировал комбат, пришлось бросить, взорвав на позициях. Немцы, как и вчерашним утром, не преследовали, зализывая раны. Да и какое, на хрен, преследование, учитывая ТАКИЕ потери? Но шагающего в составе походной колонны Кобрин – ехать с ранеными на броне он отказался категорически, предпочитая оставаться рядом со своими бойцами, – отчего-то не покидало дурное предчувствие, что все еще отнюдь не закончилось. Ощущение приближения чего-то страшного угнетало; противный липкий страх ворочался в груди, путал мысли. Да, он боялся. Но не за себя, а за несколько сотен уставших солдат, за его батальон. Боялся – и не мог понять, что именно его волнует. И это злило и раздражало сильнее всего.

Зато когда в хвосте колонны заорали «Воздух» и над головой прошла, завывая двигателями, первая тройка пикирующих «Ю-87», все мгновенно встало на свои места. Исчез и страх. Фрицы вызвали-таки авиаподдержку. Укрыться на дороге было негде, а до кромки спасительного леса оставался еще почти километр.

– Рассредоточиться! Прочь от дороги! К лесу! – заорал Сергей, просто чтобы хоть что-то сделать.

Поскольку никакой команды бойцы не дожидались, прекрасно понимая, что происходит и чем это грозит, и начали разбегаться, едва слышав вой самолетных моторов. Буквально секунду спустя за спиной сдвоенно грохнуло, затем еще раз и еще: убедившись, что цель обнаружена, немецкие пилоты начали бомбардировку...

Глава 7

23 июня 1941 года, вечер

Ужинать Сергею не хотелось абсолютно, однако он заставил себя съесть полбанки тушенки с хлебом, по твердости уже вполне способным соперничать с сухарем. Силы ему нужны. Еду принес вчерашний сержант из хоззвода – как там его, Карпенко вроде? Смотри-ка, уцелел, молодец. Левая рука, правда, висит на перевязи, но выглядит ничего, бодро.

– Только это, тарщ капитан, чая сегодня нету и не будет. И сахару тож. Сгорели все припасы, бомба германская попала. – Красноармеец понурился, будто был лично виноват в случившемся. – Я вот вам водички попить принес, хорошая водичка, чистая и холодненькая. На хуторе колодец имеется, тама и набрали, – несмотря на чисто украинскую фамилию, боец смешно «окал».

– Спасибо, сержант, ступай. Хотя постой. Где пограничники расположились, знаешь? – Карпенко кивнул. – Добро. Пришли ко мне их командира, лейтенанта Авдеева, скажи, я зову. Выполняй.

Устало привалившись спиной к замшелому комлю, Кобрин прикрыл глаза. Да уж, денек выдался... неслабый. Врагу не пожелаешь. Хотя нет, глупость сказал. Ну, в смысле подумал. Вот кому-кому, а как раз фрицам он бы подобных деньков побольше пожелал. Как минимум семь в неделю и 365 в году. Чтоб жизнь медом не казалась.

После рокового авианалета, стоившего батальону почти полсотни бойцов и пяти из восьми оставшихся танков, они почти час отсиживались в лесу, приходя в себя и оказывая помощь раненым. Если честно, Кобрин, прекрасно знающий, КАКИЕ потери несли на марше советские войска в июне – июле 41-го именно от налетов люфтваффе, должен был признать, что батальон еще легко отделался. Нет, потери безусловно тяжелые, и погибших немисливо жаль, но... та часть его разума, что отвечала за стратегический анализ ситуации и потому обязана была оставаться холодной, настаивала именно на этом. Всего три слова, собственно говоря: «Могло быть хуже». Да, могло. Но его бойцы – не зря он вчера перед отбоем толкнул короткую речь, в которой учил, как себя вести при появлении вражеских самолетов, – отреагировали именно так, как и требовалось. Проще говоря, начали разбегаться, не позволяя немецким пилотам атаковать скопления живой силы.

Пикирующий «восемьдесят седьмой» – чрезвычайно опасный противник, но он просто физически не может гоняться за одиночными целями: тупо не хватит ни бомб, ни боеприпасов к бортовому оружию. Потому основные потери батальон понес от первых сброшенных по «хвосту» колонны фугасок, после чего немцы перенесли основное внимание на танки, оказавшиеся для них куда более желанными целями. Вот и получилось, что благодаря танкистам им и удалось избежать катастрофических потерь. Три последние «тридцатьчетверки» успели добраться до опушки, с ходу вломившись в заросли, укрывшие боевые машины от немцев. Сбросив оставшиеся бомбы прямо на лес – скорее всего не столько надеясь куда-то попасть, сколько просто не желая возвращаться на аэродром с опасным грузом на пилонах, – «лаптежники» убралась восвояси. Наверняка отрапортовавшись по прилете о полном уничтожении колонны бронетехники противника и рассеивании живой силы: приписки на любой войне и в любой армии – дело абсолютно нормальное и привычное.

Прекрасно понимая, что «лаптежники» вряд ли вернутся, Кобрин распорядился погрузить тяжелораненых на уцелевшие танки и отправил их в сторону железнодорожного моста, до которого батальон не добрался от силы трех километров. Несмотря на потери, комбат не собирався менять планов: мост – слишком лакомая цель для фашистов, и уничтожить его катего-

рически необходимо. Если, конечно, его уже не захватила какая-нибудь диверсионная группа. В принципе даже если и захватила – тоже небольшая проблема, силы пока есть, выбьют. До самого моста Кобрин гнал батальон в максимальном темпе, хоть преследования особо и не опасался – слишком велики оказались потери потрепанной мехгруппы. Это не вчерашний бой, сегодня фрицы по сусалам получили куда как сильнее. Они к подобному пока не привыкли, так что практически однозначно станут ждать подхода подкрепления. А вот оборонять ли его, перед тем как взорвать, Сергей пока не решил. Бойцы измотаны, много раненых, да и боеприпасы подходят к концу. Минометов опять же у них больше нет, а из пулеметов осталась только половина. Логичнее всего рвануть переправу к известной матери и уходить дальше на восток. Должны же они, наконец, повстречаться хоть с какой-то регулярной частью Красной Армии?!

Однако реальность, как оно обычно и бывает, внесла в первоначальные планы свои коррективы. Когда батальон добрался до места, возле моста уже шел бой, о чем Кобрину доложили высланные вперед разведчики, так что с ходу вляпаться в неприятности, к счастью, не получилось. Рассредоточив бойцов – местность была подходящей для скрытного сближения с противником, в 200 метрах от моста шоссе делало крутой поворот, стиснутый невысокими пологими холмами, – комбат выбрался с биноклем в руках на плоскую вершину одного из них. Чтобы разобраться в ситуации, хватило полминуты. Насчет немецкой разведгруппы он не угадал – ну, или это была какая-то очень нестандартная РДГ с силами усиления в виде двух танков и трех бронетранспортеров. Один из немецких танков и два бэтэера уже горели, как и одна из «тридцатьчетверок». Пара уцелевших «Т-34» маневрировали на берегу, пытаясь спалить оставшегося противника, который тоже на месте не стоял. Судя по всему, бой начался совсем недавно, буквально несколько минут назад, и пока не было понятно, на чьей стороне перевес. Наши не рисковали выехать на открытое пространство перед мостом, немцы тоже. Высадившиеся из транспортеров десантники – или диверсанты, кто их там разберет? – залегли на западной стороне, установили пулеметы и ждали конца танкового боя.

«Очень мило, – хмыкнул себе под нос Кобрин, опуская бинокль. – Оно, конечно, не слишком спортивно, но что может быть приятнее, чем ударить в спину? А они просто напрашиваются. Пожалуй, пускай пограницы повоюют, у них с этими суками особые счеты».

Задачу лейтенант Авдеев понял с полуслова. И она ему, судя по выражению лица, понравилась. Наверное, даже очень, уж больно быстро справились: не прошло и десяти минут, как противник был уничтожен. Прижав фрицев пулеметным огнем с господствующей высоты, пограничники обошли их двумя группами с флангов и перебили. Заодно и последний броневик спалили, сначала расстреляв из пулемета передние колеса и двигатель, а затем забросав гранатами. Оставшийся в гордом одиночестве средний «Pz-IV» рванул было на помощь камрадам, но напоролся правой гусеницей на метко брошенную связку гранат и раскорячился поперек дороги. Предлагать немцам сдаваться пограничники не стали – просто сорвали гранатой башенный люк и закинули внутрь еще одну «РГ-33». Граната, как помнил из истории Сергей, – так себе, но фрицам хватило. В принципе пленный бы не помешал: узнать, кто они такие, было нелишним. Но останавливать бойцов Кобрин даже не собирался, несмотря на удивленный взгляд Зыкина. Чем больше трупов пришедших на родную землю врагов они увидят, тем лучше. Пусть верят в свои силы, пусть убедятся, что могут побеждать и побеждают! Ибо слишком много разочарований впереди. Да и за сгоревший вместе с ранеными танк стоило поквитаться.

Что делать с переправой, Сергей не знал: условное обозначение на карте – одно, а наблюдать в реале пусть и однопролетный, всего на одну железнодорожную колею, но вполне внушительный металлический мост – совсем другое. Взрывчатки у них нет, разве что из танковых пушек расстрелять? Хотя, что там ему полковник Шкенева насчет фугасов говорил? Вот именно. Еще бы грамотных взрывников отыскать. Выручил Зыкин. Услышав о проблеме, он хмыкнул и привел двоих немолодых красноармейцев, как выяснилось – минеров по военно-

уставной специальности. Осмотрев подготовленный к «демонтажу» объект, бойцы вынесли вердикт: можно, конечно, и расстрелять, но надежней все-таки взорвать. Поскольку трех-четыре осколочных снарядов на каждую опору вполне хватит, а боеприпасы можно взять в подбитом немецком танке, который так и не взорвался, несмотря на заброшенную внутрь гранату.

Отдав приказ, комбат понаблюдал пару минут, как саперы готовят из трофейных унитазов фугасы, и отошел в сторону, напомнив, что больше 20 минут дать не может. Взрывники справились за 17. Переправив на восточный берег бойцов и обе «тридцатьчетверки» (идуший последним танк затащил на буксире на мост подбитую «четверку», как понял капитан, в качестве дополнительного повреждающего фактора), бойцы подорвали при помощи нескольких ручных гранат и бухты одолженного у связистов кабеля импровизированные заряды. Получилось не слишком эффектно внешне, но вполне эффективно: перебитые опоры подломились, и мостовой пролет, подняв неслабую стену брызг, рухнул в реку вместе с двадцатитонной тушей немецкого панцера.

Финальным аккордом прозвучал взрыв самого танка. Вошедшие во вкус саперы просто не могли оставить его без внимания, поскольку башня бронемашин так и осталась торчать над водой. Да и устроить фрицам еще одну подлянку было нелишним. Теперь им не только мост восстанавливать, но и с развороченным корпусом «четверки» возиться. Хотя реку они, само собой, перейдут вброд, благо неглубоко. Хотя, как сказать перейдут: танки и бронетранспортеры-то, может, и переправятся, а вот автомашины – далеко не факт, особенно с пушками на прицепе. Заглохнут посреди реки, когда водичка движки зальет, – и все. Пока еще на буксире вытаскают, а это – драгоценное время. Да и тот брод еще найти нужно.

Поглядев на повисшие над взбаламученной водой погнутые рельсы и отброшенную кверху погоню на мелководе танковую башню, Сергей удовлетворенно хмыкнул. И распорядился продолжить движение.

Несколько часов потрепанный батальон двигался в заданном ритме. Немцы не беспокоили – да и как, собственно? Между ними теперь целых два взорванных моста. Если и напорются на противника, то наступающего с другого направления, что, судя по карте, маловероятно: дорога-то одна. Первое время Кобрин еще сомневался в правильности собственных действий – может, все-таки стоило окопаться у моста и дать еще один бой? – но вскоре решил, что все сделал верно. Положить измотанный двумя днями боев батальон, оставшийся без серьезного вооружения и с минимумом боеприпасов, чтобы задержать фрицев максимум на полчаса? Ну уж нет, увольте, подобный идиотизм не для него. Безусловно, бывают ситуации, когда нужно стоять до последнего бойца и патрона, но – не сейчас.

Ближе к обеду наткнулись на длинную, в добрый километр, разбомбленную армейскую колонну, наверняка из состава или 6-го, или 11-го мехкорпуса. До передовой ребята так и не добрались. Да и какая там передовая? Как таковой линии фронта во второй день войны попросту не существовало.

Гитлеровские пилоты порезвились вовсю: грунтовка оказалась буквально забита сгоревшей техникой – танками, броневиками, автомашинами. Атаковали, видимо, не в один заход, поскольку неповрежденных машин попросту не было. Развороченные прямыми попаданиями и детонацией боекомплекта или попросту сгоревшие танки. Опрокинутые близкими взрывами искореженные броневые автомобили. Разнесенные в клочья грузовики с противотанковыми пушками на прицепе, от некоторых из которых остались лишь искореженные рамы со смятыми ударной волной кабинами. Обгоревшие до металла черно-рыжие топливозаправщики. Сброшенный под откос санитарный автобус. Еще что-то вовсе уж неузнаваемое, разбросанное разрозненными обломками вокруг неглубокой воронки.

И еще густой, хоть ножом режь, запах.

Тяжелое, вызывающее тошноту амбре горелой человеческой плоти, перебивающее все остальные запахи: сгоревшего топлива, обуглившейся краски, превратившихся в холмики

белого пепла резиновых бандажей опорных катков и автомобильных шин. И множество разбросанных вдоль обочин тел. Иногда целых, но чаще – в виде фрагментов, в которые превращали пытающихся спастись красноармейцев фугасные бомбы. Выживших не было: судя по всему, колонну накрыли на марше еще ранним утром. Уцелевшие ушли в лес, забрав с собой легкораненых, а тяжелые умерли от болевого шока или потери крови. Над обочинами вязко зудели вездесущие мухи, со всей округи слетевшиеся на этот пир смерти.

Война...

Остановив батальон, Кобрин оглядел столпившихся вокруг командира молчаливых бойцов. Стянул с головы фуражку и произнес глухим, неузнаваемым голосом:

– Смотрите. Запоминайте. На всю жизнь запоминайте. – Выждав несколько секунд, закончил: – Разойтись, осмотреть местность. Собрать боеприпасы, перевязочные пакеты и документы павших. Особенно документы. ЛОЗы¹ не трогать и не раскручивать, пусть с ними и похоронят. На все – десять минут. Выполнять.

– Товарищ капитан, – к Сергею подошел командир одной из «тридцатьчетверок». – Комтанка сержант Захаров. Разрешите обратиться?

– Уже обратился, – буркнул тот. – Чего тебе, сержант?

– Наши это. – Танкист кивнул в сторону дороги. – Из 7-й дивизии, я на башне знак тактический разглядел. Непонятно только, отчего легкие танки вместе со средними одной колонной шли. Неужели и везде так?!

---

¹ ЛОЗ – личный опознавательный знак, попросту «смертный медальон». Закручивающийся бакелитовый футлярчик с бумажной анкетой-вкладкой (2 шт.) с личными данными бойца. В 1941 году были не у всех. А те, у кого имелись, зачастую их не заполняли из суеверия «заполнишь – точно погибнешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.